

Елена Красавина

Соло на бэк-вокале.

Елена КРАСАВИНА
Соло на бэк-вокале

«Автор»

2026

КРАСАВИНА Е. А.

Соло на бэк-вокале / Е. А. КРАСАВИНА — «Автор», 2026

В попытке объяснить, почему любовь и дружба сегодня звучат иначе, герои вдруг обнаруживают, что у Онегина с Печориным те же вечные терки: любовь, дружба, поиски себя. Но не только у них...Между строк классики и бытовыми событиями, незапланированными путешествиями и случайными знакомствами герои находят новые дружбы и новые смыслы и неожиданно много общего с людьми из эпохи перемен.

© КРАСАВИНА Е. А., 2026

© Автор, 2026

Елена КРАСАВИНА

Соло на бэк-вокале

Соло на бэк-вокале.

Глава 1

«Кажется, теплу и свету вовсе нет места в мире слов. Возможно, именно поэтому, когда пытаешься сказать о них, твои слова встречают такое недоверие, и телефон постоянно разъединяется. Написать роман о счастье тоже невозможно в принципе. Для него нет слов, и даже если они найдутся, его не будут читать, потому что история, в которой все счастливы и понимают друг друга, скучна невероятно; в итоге любовные сцены коротки и на бумаге, и в жизни» Л.К.

ФЕВРАЛЬ. БОТКИНСКИЕ КАНИКУЛЫ.

На Питерско

И почве это звучит, как сарказм: «Боткинские! Каникулы!» Потому что Боткинская больница - инфекционная. Ровно такая же, как была во времена самого Боткина. Тогда она называлась "инфекционные бараки", и была, между прочим, единственной в просвещенной Европе, в которой тем временем вымирала городами и целыми провинциями от чумы, тифа, оспы, сифилиса, туберкулеза и прочей подобной фигни!

Наш продвинутый Боткин был инициатором организации таких вот изоляторов в гектары площадей, засыпанных карболкой, с колючей проволокой, крематориями и бараками. Про проволоку, я, наверное, того, загнула. Теперь, конечно, не бараки, в середине периода застоя были построены шикарные корпуса, просто с тех пор прошло 30 лет. Корпуса обветшали, покрылись плесенью, грибок, но не потеряли своей монументальности. Как сказал один ее знакомый, «Боткинская больница - это стильно. История. Памятник. Все дела....»

Боткину в Питере есть памятник и получше. Целый квартал на Финляндском вокзале. Улица Боткинская 6. Там расположено несколько клиник. И задумчивый бронзовый Боткин смотрит на череду маленьких пациентов клиники детских болезней, Военной травматологии, куда часто хромают молодые мужчины в камуфляже, и куча учебных корпусов Военно-Медицинской Академии. Там постоянно ходят строем молодые мальчишки в военной форме разных родов войск. Такие еще солдатики и при этом - уже почти врачи. Недавно появились девочки, тоже в форме, а еще иногда бегают кроссы негры в российском шерстяном трико.

Но Боткинские бараки совершенно несправедливо обзывают местные жители. Здесь - кафедры, практика, студенты, опыт, столетние традиции. Это место, где реально умеют лечить. Приезжают туда - уже залеченные в пижонских клиниках, полумертвые и падающие без сил. Ее тоже привезли падающую, со страшным диагнозом – пара-тонзиллярный абсцесс. Не знаете? Она тоже не знала. Думала - умрет! А там таких оказалось полное отделение. Ну, в общем, эта история началась в Боткинской больнице (ЛЛ).

** * *Итак, эта история началась в Боткинских бараках. В промозглом феврале, когда в Питере, как обычно, всю свирепствуют эпидемии гриппа. Наша героиня была не очень-то и героиней. Среднестатистической внешности, возраста, семейного положения, профессии и социального статуса. Брюнетка, метр шестьдесят пять, семьдесят два килограмма, сорока двух лет, не замужем, сын восемнадцать лет, учитель русского языка и литературы, десятый, одиннадцатый и шестой класс, в котором она по совместительству была еще и классной дамой. С точки зрения школьной аудитории, персонаж совершенно отстойный. Едва ли ее ученики могли подозревать женщину ее возраста в личной жизни, тем более в наличие страстей. Это был бы разрыв шаблона, жанровое хулиганство, моветон. Но, во-первых, она и сама, всего за пару меся-*

цев до наших событий, вряд ли заподозрила бы себя хоть в чем-то личном. Так припорошило пылью жизнь: бытовуха, текучка, однообразие, тетрадки, экзамены, ученики. И то, что в юности обещало стать жизнью, полной надежд, свершение, событий, счастья, любви, встреч, разлук, переживаний, стало совсем не тем. Разочарование... По крайней мере – несоответствие своим ожиданиям, и уж точно представлениям школьной аудитории. Но если мерить жизнь представлениями школьной аудитории, человечество так и застряло бы в слащавом сентиментализме, в возрасте прекрасного несовершеннолетия, и никогда бы не дерзнуло взорвать мир пламенным романтизмом революции, не засмеялось громогласным хохотом Рабле, не заплакало бы бальзаковской слезой, и не глянуло на мир сквозь ироничный прищур Пелевина. Поэтому наша героиня не слишком озадачивалась мнением своей незрелой аудитории. Хотя дресс-код мучил ее и в свободное от работы время. Жила она в том же районе, где работала, и редкий поход в магазин обходился без дежурного: «Здрасьте!» - «Здравствуй, Иванов!» Со временем она привыкла. Все ее неформальные контакты счастливо располагались в других районах. Поэтому ей худо-бедно удавалось хранить, не смешивая два своих образа – общественный и личный, учителя и просто женщины. Хотя, с женщиной – это она, пожалуй, погорячилась. Последние семь лет она это свое качество практически не использовала, уйдя в глухую оборону после развода и погрузившись в освоение профессии, которой до этого заниматься не собиралась. За эти годы она успела написать планы уроков, обкатать их, приспособиться к коллективу, выдержать и отразить несколько атак разных фракций на предмет присоединения и как-то организовать свое автономное плавание. И вот в самый разгар учебного года она оказалась на больничной койке, с почти оскорбительным диагнозом. В очень плохом физическом состоянии. И в совершенно не-суб-ор-ди-ни-ро-ванной компании. Она совсем не умела болеть, не позволяла себе, на корню душила любые признаки, кроме того, весь пед состав регулярно вакцинировали, и она считала себя защищенной в квадрате, и в принципе. И вот тебе! Она с трудом переделалась под пристальными взглядами соседок по палате, послушно подставила разные места под шприцы и капельницы, и с облегчением закрыла глаза. С грустью вспомнила, что сын ей позавчера сказал, где-то вычитал, что болезнь – это способ организма встать на паузу, выключиться, остановиться. Интересно, а они от чего останавливаются, подумала она про соседок и провалилась в сон. * * * Мать Ленина родила восемь детей, выжили шестеро. У Маркса было семеро, осталось трое. Екатерина Великая рожала пять раз, из шестерых детей - трое остались живы. Аристократки начала 19 века рожали по восемь - десять детей, точно так же, как крестьянки. Потому что до взрослого возраста доживало хорошо если половина. Это только в кино показывают, как бабы рожали в поле, потом, через полчаса - снова жали, косили, молотили. Сколько их умирало от сепсиса и антисанитарии. Сколько еще в родовой горячке, от кровопотери. Жена Андрея Болконского умерла родами, и это не стало сюжетом книжки, так эпизод. Наш мир, живущий в режиме вакцинации, профилактики и перинатальной гигиены, уже не понимает ментальности людей предыдущих веков, когда единственным способом планирования семьи и решения демографических вопросов было рожать, рожать и рожать. Потому что болезни косили, косили и косили, не взирая на социальное положение, имущественный статус, возраст, пол и политические взгляды. Любая простуда грозила вылиться в воспаление легких, а когда из лекарств – только клистиры и уксусные примочки - воспаление легких оставалось доверить Богу и силам организма. Это положение существовало аж до середины двадцатого века. И изменилось только с изобретением пенициллина. Можете себе представить, поколение наших отцов было первым, которое не выкашивало обыкновенное ОРЗ и простуда. Она проснулась с мыслью: «...и весь этот ее коллектив, все эти женщины, вся палата, по законам жизни, должна была умереть еще несколько дней назад... если бы не медицина и не пенициллин...» На второй день у нее появились силы оглядеться. На третий, рассмотреть товарищей по несчастью, товарок. Потому что, понятно, крыло было женское. Девушка лет двадцати, старуха – восьмидесяти, молодая узбечка под тридцать, еще одна, по-видимому,

ровесница героини, и она – замыкающая. Замыкающая она была, потому что ее пристроили на последнюю незанятую койку, самую неудобную, на ее взгляд, стоящую поперек всех остальных. Через пару дней оказалась, что койка и впрямь неудачная. Той ночью, что она сидела в приемном покое, женщину - предшественницу, ее занимавшую, увезли в реанимацию, и с тех пор ее больше никто не видел. * * *Принято считать, что женщина без любви - не женщина. Что если она не грустит печально и очевидно для всех, то она такой солдафон в юбке. Еще женщина должна быть нежной, прелестно болтливой, легкомысленный, и чуть глуповатой. Ну, да, наверное, должна. Но наша героиня была сущим недоразумением в этом смысле. Нежной и легкомысленный ей не положено было быть по долгу службы, и, хотя «говорить» было сутью ее профессии, но прелестную болтовню никто бы не только не одобрил, но и просто не допустил. А уж очевидную грусть и печаль в наше время могут позволить себе разве что пенсионерки или еще совсем молоденькие девушки. Что до взрослых женщин, то нет - не могут." У Ярославны - дело плохо, ей некогда рыдать, она в конторе с полседьмого, у ней брифинг ровно в пять "Поэтому грустить, вздыхать, и плакать, а особенно думать о мужчинах и любить современной женщине позволительно строго в отведенные часы, в конкретных местах, недоступных детям, учитывая возможное наличие свидетелей, и соблюдая приличия, субординацию, режим и гигиену. Тьфу ты! Поэтому она и не пыталась. Но когда это случилось, оказалось, что мир, в котором она существовала - совершенно не приспособлен для любви! И любовь с ним практически несовместима. * * * - Как ты себя чувствуешь? - Я? - Да, ты, - старуха уточнила, что обращение – не случайность, и она так и собирается обращаться на ты. Впрочем, в морщинистой и красивой ручке у нее был стакан с водой, это было так кстати, что наша героиня невольно простила ей такую вызывающую фамильярность. - Спасибо, не очень - она улыбнулась, и начала с усилием глотать воду, удивляясь, сколько мышц участвует в этом простом процессе, потому что все они (мышцы) были огромные, болели и препятствовали. - Как зовут? - Кого? Меня? Елена А-э-а... Лена. А вас? - Глафира Андреевна, Вика вон зовет тетя Глаша, хотя я ей, конечно, в бабушки гожусь. Но «бабушку Глашу» я бы совсем не вынесла! – и старуха широко и легко улыбнулась. Героиня улыбнулась в ответ, и скосила глаза на то место, где должна была находиться Вика. Аха, вот эта молоденькая девочка. - Эту узбекскую красавицу зовут Айжан – Жанна, по-нашему, у нее дома трое детей, один совсем младенец, и по ночам она не дает нам спать, потому что чмокает своим молокоотсосом - отрекомендовала Глафира. Узбекская красавица тут же прижала руками грудь, примечательного размера, для такого субтильного тельца. - А эта барышня – Марина. Марина Ивановна. Она у нас адвокат, или... в общем, юрист. «а...» - именно этот цепкий взгляд остался в памяти с первых минут пребывания в палате. Она, наконец, допила воду и откинулась на подушку. И вдруг ей показалось таким приятным обращение в одно имя, и на ты, она улыбнулась про себя Глафире, вздохнула, и снова провалилась в сон.

О ПИСЬМАХ "ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ"

На днях я получила письмо. Непрочитанное и старое. Оно пролежало на «до востребования» не знаю, сколько, лет пять. Это был ответ. Ответ на письм

о, которое тоже было отправлено на «до востребования», и, видимо, тоже было получено с большим опозданием... Мы с автором так давно живем, так заняты, горды и неторопливы, что опоздания на годы ничуть не удивляют.

Я пытаюсь понять, как к этому относиться. Это - счастье, что оно дошло? Или несчастье, что так опоздало? По большому счету не так и важно. Просто привычка всему выставить оценки. Это - сладко - пятерка! Так, а это – горько - неуд! А утраты нет, потому что просто не может быть, и все!

Раньше было не так. Как-то не так...

«

Хочется уподобиться деревьям: замереть и зависнуть. Будто оказался со старым другом, и можно прожить, не размыкая губ, - улыбаться глазами, любить взмахом ресниц. Это острее всех чувствуют собаки, избегая лаять» (ЛК)

Вас когда-нибудь цитировали? Ну, ты слышишь свою пьесу в исполнении профессиональных актеров. Свою мысль - голосом Мэтра. Видишь свой камень в безупречной оправе Мастера. Это лестно, но это – не все.

Иногда это значит, что он говорит о тебе, с тобой, только с тобой, на твоём языке. Цитата перестаёт быть цитатой. Она становится шифром...

Он, конечно, не берёт тебя за руки, не сжимает в страстных объятьях, там, и прочее. Но в каком-то смысле это ближе... как у Гребениčkова: "можно быть ближе, но не ближе, чем кожа" А это, как раз ближе, чем кожа! Чем даже секс!

После этого можно отпустить на все четыре стороны... Этому нельзя изменить! Ближе быть просто нельзя! Он может забыть цвет твоих глаз, может, вообще не знать, не знать адреса, отчества и размера ноги, зато он исходил все твои страницы, знает все образы, предысторию и подтекст. Он обнимает тебя своими словами, хранит в памяти, отводит комнатушку в сердце, прикасается к твоим словам бережными губами нежности.

Это может сделать только настоящий поэт, это требует правдивости, это нельзя подделывать, я проверяла.

Я сама это когда-то придумала, нечаянно. И даже не подозревала, как это сокрушительно! Я не знала, что внимание может сделать человека таким уязвимым.

Теперь я сама попала. Страдаю... Да, чего уж там, болею. Сердце перешло в режим приема: ждёт, молчит и беззвучно плачет. Беззвучно - боится пропустить сигнал... А его нет... Сигнала нет... Тому сигналу, который получен, слишком много лет... Слишком.

«...Беда в том, что в благословенной немоте проходят лишь несколько дней года, и мир вокруг никак не желает жить в режиме осеннего леса. Он продолжает говорить, петь, кричать, смеяться и стонать на всех мыслимых языках и наречиях. Он не принимает взмахов ресниц и не берёт в расчёт внутренних диалогов. В этом мире молчат лишь опавшие листья и улетевшие птицы, и молчат мертвые; молчание равнозначно смерти...»

(ЛК)

И вдруг это письмо... о любви... опоздавшее на годы. Ответ на просьбу о любви, опоздавшую на годы.

В сердце - тахикардия, в руках - тремор, в ж.п.е - березка, в мозгу - одни глупости, в теле - одни гормоны. И апофеоз всего -

чирей в глотке! Застрелите меня! Потому что от меня все равно никакой пользы!

Мозг отказывается думать, тело жить, горло - говорить, глаза могут только читать, и только его записки. И это все, что они делают с жадностью - жадно читают его тексты, и глотают, глотают, глотают слова, его слова, мои слова, любимые слова, желанные слова, долгожданные слова. И даты.

И даты отрезвляют. Годы. Годы! Дата последней записки пропустила уже два календаря! Это... это невыносимо!

Такие чудесные мелодии! Такие прекрасные! Но как давно написаны! Как давно! не вчера, даже не год назад! Что такое текст? Скриншот со вчера? Или слепок вечности? А вдруг ...! А может все-таки...!

Я... Я опоздала. Нужно было найти только для того, чтобы узнать, что все потеряно?.. С ума сойти!.. Нет, пожалуйста, нет!.. Неужели я опоздала? Он же ждал меня!

Вот урод, хоть бы голос подал, там, ссылочку бросил! нет! Вот ведь самовлюбленный индюк! У меня, может, интернета нет! Я может, дебил, и читать разучилась! я...!

Сам виноват! Я же просила, напиши! Нет, он, конечно, написал: "Найдите меня! И будет вам счастье!" Гад! Какой же гад!.. Пожалуйста, не уходи! Прости меня! Я не знаю, что говорю, и что буду делать без тебя!

Опоздания делают жизнь несносной. Опоздания делают жизнь. Они её делают" (ЛЛ)

* * * Проснулась она оттого, что кто-то тихо плакал. Она поднялась на локтях. В дальнем углу спиной к ней сгорбившись сидела красавица-узбечка, и, судя по характерному звуку молокоотсоса, сцеживалась.- Жанна? Айжан? – она спустила ноги с кровати, нащупала тапки, по-стариковски дошаркала до бедной. – Ты чего?- Грудь болит, - сказала та, глотая слезы, плечики ее сотрясла крупная дрожь, и на ощупь она была горячее батареей.- Давно?- Да.- Сколько дней?- Два.- А лежишь ты сколько? Та покивала: «столько и лежу»- Сцеживаешься мало? Она пожала плечами.- Твердые? Девочка снова покивала- А ребенку сколько?- Какому... - она шмыгнула носом, и вытерла слезы - девять.- Девять месяцев? – удивилась наша, - круто! Все еще кормишь? Молодец! Тебе надо температуру сбить. И расцедиться. Та кивала, и шмыгала. Но уже поспокойнее.- А что ж ты не сцеживешься днем?- Бабушка ругается.- Да, ладно! Она же шутит. Я щас схожу на пост, попрошу какую-нибудь таблетку от жара, а ты сцеживайся давай, и завтра весь день, вот еще придумала!- Стыдно! - Что? Кого стыдно? Женщины одни. И потом, кто тебя будет рассматривать! Отвернешься вон туда. Ну, ты смешная, блин! Она прошаркала до поста, разбудила постовую сестричку с ярко красным маникюром, и печальными глазами, ответила на вопросы «нет», «не надо», и «ничего страшного», напоила Айжан аспирином и снова завалилась на свою неудобную койку. Когда Бабушка говорила, что им не дает спать молокоотсос Жанны, она сильно преувеличивала, или наоборот, недооценивала остальные шумы. Палата храпела на все лады. Такая болезнь. Сама Глафира храпела на басах, контрабасом: хро-хро-хроооо-м. Альтом подпевала Марина Ивановна: хр-рррэ, хр-рррэ, хр-рррэ. Викуся пела скрипочкой хри-пим, хри-пим. Засыпая, она предположила, что для ансамбля им не хватает виолончели, и у нее подходящий тембр. Айжан из своего уголка очень скромно подыгрывала на шумовых, всего лишь. * * * На третьи сутки все заметно повеселели. Сходили на обед. Обзвонили родню и сделали заказы. После обеда потянулись родственники. К нашей героине приехал сын с девочкой, привезли планшет, зубную пасту, и два огромных пакета вкусняшек. Чтобы не торчать в общественном вестибюле и не хватать заразу с других этажей, все-таки выше лежали желудочно-кишечные, а ниже - дерматозные, они вышли погулять. Стоял солнечный февральский денек – большая редкость для Питера, и пациенты расползались по всей территории, наслаждаясь белизной, предчувствием весны и воздухом.- Здравсьте... - услышала она за спиной и вздрогнула.- Ваня? Здравствуй, ты как здесь?- У меня тут девушка лежит.- А... Понятно. Ну, здоровья твоей девушке.- Ага. Спасибо. А вы когда в школу придете?- Не знаю Ваня, пока, но думаю, дней через десять. У вас кто-нибудь ведет уроки?- Не-а... Марковна... ну, завуч... сказала, что с понедельника что-нибудь придумает.- Аха... Ну, что - не переживайте. Раз Наталья Марковна говорит, значит, придумает. Ваня не выглядел особо переживающим, он сдержанно хохотнул, еще чуть потоптался возле них, с интересом рассматривая Светочку, и отчалил в направлении общественного вестибюля.- Ваня Суфуев, мой ученик из одиннадцатого, - прокомментировала она для детей.- Да мы поняли, - кивнул сын, приобняв подружку - он всегда такой дерзкий? * * * К вечеру вся палата вздохнула с облегчением, даже Айжан. Муж привез ей всех детей разом и старшие целый час нарезали круги по просторным больничным коридорам, пока малой пытался получить доступ к телу. Сиську, в смысле грудь ему было нельзя, потому что мама сидела на убойных антибиотиках, и битва носила чисто развлекательный характер. Но после их визита маме заметно полегчало, и она даже приняла участие в разговорах. Правда, так и сидя спиной к аудитории, и шурша своим неизменным молокоотсосом. Вика рассказывала свою историю любви, над которой Глафира иронизировала, Марина искала юридическую составляющую, а наша героиня – эзотерическую. Детей в лучших традициях Шекспира разлучали родители.- А он, что?- А что он может, они татары... - И что?-

Мусульмане.- И что?- Ну, что – что... не знаю. Им не положено...не своей веры.- Ты подумай! – театрально заламывала руки Глафира - Давно ли!- Нет... У него и мама русская, ну, как... украинка. И ваще, они нормальные. А теперь ее...- А что маму тоже в хиджаб одевают?- Нет... Маму там попробуй одень.- Так откуда тогда все эти выдумки? - Да папа у него... такой стал...- Ну, так может к вам, у вас жить.- Так мои ваще не хотят, говорят, нечего делать моджахедов плодить! Ты ему нарожаешь, а потом припрутся его родственники. Да поотнимают детей.- А ты что?- А что я? – глаза у Викаси мгновенно налились слезами, - Люблю! Жить не могу без него!- А он?- И он! - Вика завывала, уронив лицо в подушку.- Ну и что, мы тоже мусульмане. И моего мужа родственники, меня тоже не принимали, - сказала Айжан, не глядя на плачущую Вику.- И что, и что? И как вы этот вопрос решили?- Да как... уехали, да и все...- Из дому?- Вообще из Узбекистана. Сначала муж сюда приехал, потом я к нему перебралась. Мы тут расписались. А потом, когда уже Руслан родился, тогда и сказали. - Обалдеть! Страсти какие, и что, вот так, без благословения?- Они меня и сейчас не признают. Мы, когда приезжаем, я живу у мамы. А Тахир с детьми у его родителей.- Ниче себе! И ты не обижаешься?- Обижаюсь, конечно... У них так принято.- А он что? - Он их любит. Я поэтому и не езжу домой почти.- Ну, вот, видишь, Вика, не ты одна страдаешь. И находят люди выходы.- Ну, я бы не сказала, что выход блестящий, - задумчиво глядя в окно, сказала Глафира.Но Вика уже перестала плакать, с интересом обдумывая открывшиеся возможности.- А вообще, все это так прекрасно. Любовь! – наша героиня мечтательно вытянулась на койке, заложив руки за голову - Вдвоем – против всего мира! Прямо как у Ромео и Джульетты. Вика, ты читала «Ромео и Джульетту»? * * *Почему-то она ляпнула про "Ромео и Джульетту", хотя для нее самой они никогда не были образцами. Просто это пронзительное чувство так наложилось на ее нынешнее состояние! Ведь они, дети, знакомы были чуть ли не сутки всего! И все эти чувства - они ведь были авансы! Все это были надежды. Вера. Одна только Вера, что так должно быть! Никакого опыта.У нее, конечно, с опытом все было хорошо - опыт был хреноватый. Ее роман вообще не был похож на образцовый. И это был, бог знает, какой по счету подход. Но это вот пронзительное чувство! Может в который раз обманывающее, но такое требовательное! Требующее Веры, смелости и тэ-пэ. В нормальном состоянии вся эта юношеская пылкость, доверчивость и открытость ей, как женщине, казалась атавизмом, рудиментом и патриархальным пережитком. Настолько они, современные люди: и взрослые, и дети - мало походили на шекспировских героев. Но не теперь.Следовало бы для начала разобраться, какое состояние более нормально. То, в котором люди ходят на работу, соответствуют должностным инструкциям, и заболевают чирьями в глотке. Или все-таки когда они любят. Другого человека, не себя. И счастливы. И видят мир влюбленными глазами! * * *-... прямо как у "Ромео и Джульетты. Вика, ты читала?- Кино смотрела с Ди Каприо. - Да, классное кино. А пьесу не читала?- Зачем? Наша героиня даже убрала руки и под головы и сложила их на животе. Вот как объяснить?- Ну, не знаю...Глафира Андреевна, а вы читали «Ромео и Джульетту»?- Э-э-э, не помню, то ли читала, то ли столько раз видела, что думаю, что читала. А ты?- А вот вы так ответили, что мне и сказать нечего. Я «Ромео и Джульетту» читала, а вот про очень многие вещи сказала бы то же, что и вы.- И это что-то обозначает?- Марин, а вы?- Что я? - Ну, как вы считаете, стоит читать «Ромео и Джульетту»?- Нет, я думаю, что не обязательно... В каком-то смысле это даже вредно.- Да? Почему?- Ну, потому что создает прецеденты. Литература вообще создает много неприятных с юридической точки зрения прецедентов.- Да? Например?- Например... , ну, например, дети посмотрели в кино, как кто-то там избил одноклассника, им самим это, может быть, и в голову не пришло бы.- Но это кино...- Да какая разница! Кино, телевизор, литература, газеты, журналы...Программирует.- Этак мы вернемся к партийности литературы.- А почему нет, Глафира Андреевна - Марина скрестила руки на своем строгом халате - Мы кошек на ветках не вешали, нас учили на хороших примерах, но хотя бы учили на хороших, плохих-то и так нахватывались. Все всегда плохого - нахватываются сами. Хотя бы литература пусть учит хорошему.- Присоединяюсь. Пусть лите-

ратура учит хорошему. Все остальное можно не запрещать, но пусть генеральная линия будет пионерская! Потому что дети - маленькие, выбирать не умеют, а силы зла так легко находят пути соблазна. Люди слабые. Их так просто обольстить!- Так..., обольстительные мои - с ходу ухватила суть пожилая и мужиковатая медсестра Ольга Викторовна - Капельницы, кому пописать - быстренько сбежали, укладываемся удобно и надолго.- Ну, девочки, вы такие полит корректные! - сказала Глафира, первой попавшая в крепкие руки Ольги Викторовны - спасибо, Оленька, вот тут неудобно, нельзя подтянуть?.. О, спасибо родная... Представляешь... даже не ожидала от молодого поколения...- Понятно, так лучше? Чего, говорите, не ожидали? - как раз сестре было абсолютно поровну, чего она не ожидала.- Да почему полит корректные? По этому вопросу – да. По другим - нет... Дело не в этом, мне кажется, что литературу убивает кино. Вот Вика из «Ромео и Джульетты» скорее всего, запомнила, как они смотрели друг на друга через аквариум - Да, - встrepенулась Вика, - он такой хорошенький!- Вот!.. Понимаете, а в пьесе этого не было! - Нет?- Нет, Вика. Но там было кое-что получше – абсолютное доверие, открытость, правдивость, целомудрие, самоотдача, жертвенность, нежность, страсть!- Да? - Да-а! И главное, все это было сказано! Словами! Без образа, не привязанное к Ди Каприо! Он, конечно, тоже молодец! И то, что ты запомнила, он сделал! как хороший артист! Но сначала прочитал в пьесе! в словах! а потом уже изобразил для тебя, и для меня... Да прочти! это очень короткое произведение... Набери его в инете. Это пьеса: максимум – два часа! И главное, что это про тебя, и про твоего мальчика. А ты и не знаешь, что можно так говорить, такие чувства испытывать, и не стыдиться их. Вика недоверчиво, но все же полезла в ноутбук. Вся остальные выжидательно смотрели.- Учительница? – спросила Глафира- Ну, да, да... - наша героиня смутилась своего воодушевления и пафоса, улеглась на неудобную койку, и залезла в компик.

О ЧИСЛАХ.

Один мой знакомый очень не одобряет моей нелюбви к числам. Считает это узостью, наверно, даже туповатой спесью бездельников. У меня есть причины, не любить чисел. Были. Я когда-то дала себе слово, что обойдусь без чисел! Вот ни разу в жизни не воспользуюсь! А потом уже нашла о

боснование для своего месседжа у Гумилева:

*«В онный день, когда над миром новым Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом, Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами, Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя, Слово проплывало в вышине!
А для низкой жизни были числа. Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла Умногое число передает...»*

С тех пор прошло много лет, все уже давно не так. В жизни с числами приходится считаться. Я не люблю этот мир. Он меня тоже. Я тут всего боюсь. Он меня тоже. Ну, как боится, опасается, не принимает. Отторгает, как чужеродное тело.

Я об этом узнала, когда познакомилась с одним поэтом. У этого мира есть свои поэты. По крайней мере, один. Он любит этот мир. Он в него вписан. Ему в нем комфортно. В его мире заводы гудят

, самолеты летают, люди двигают тоннами и миллионами тонн, верстают бюджеты, газеты, бизнес-планы. Большая жизнь страны идет в Его мире. В нем живут изобретатели и инженеры, журналисты и чиновники, простые люди, непростые люди. В его мире идет борьба с коррупцией, ну, а где же ей еще идти, как не по месту жительства. В его мире люди не ходят в сандалях на босу ногу, в его мире мужчины носят форму: галстуки и пиджаки.

Количество в его мире – качественная характеристика. Минуты, метры, человеко-дни, проценты, километры в час, выстрелы в минуту, миллионы тонн, миллионы километров, киловатт-часов, читателей, экземпляров. Мы живем в его время, в его стране, в его горо-

дах, ходим по улицам, которые он переименовывает на раз. Топчемся под елками, которые он сосчитал, любимся огоньками, количество которых известно ему по смете.

Он пишет статистические сводки, как поэму. Его мир - мир цифр, мир чисел – будничнейший и блестящий. Мужской мир. Этот мир не оспаривает божественных истин,

он в них не верит. Все оценки выставляет исходя из целесообразности и масштаба проекта, вопросы нравственные решает каким-то звериным чутьем, сметая с дороги конкурентов абсолютной уверенностью в себе. Дерзкий выскочка!

Надрать бы за дерзость, но у его поэта – безупречное чувство стиля. Он лиричен до слез. Он изящен, как болеро. Он щедро делится музыкой этого мира, легко переходя на язык лириков и эпиков. На всех трех он говорит без акцента.

В который раз я, как заколдованная, бреду за его дудочкой. Я не здешняя. Я не люблю этот мир. Я тут всего боюсь. Но я люблю поэта. Я ему верю. И раз он любит его, значит, есть за что? И раз не боится, значит, можно попробовать. Я уже выходила пару раз по его следам из глухой и дремучей лирики, из духоты и безнадеги - на освещенные трассы его мира. Я помню,

это было прикольно! В его мире действительно что-то есть! (ЛЛ)

** * * Вечером того же дня произошел еще один инцидент, заслуживающий внимания. Вика прочла «Ромео и Джульетту» и залилась горячими слезами. Когда ее попытались утешить, она просто ушла в пике, и ревела уже совершенно истерически. Ее поили валерианкой, брызгали водой в лицо, давали нашатырь, она чуть успокаивалась, но при любой попытке что-то сказать, снова срывалась в плач. Наконец, ей удалось выговорить то, что никак не шло с губ: «Это не про нас!» «Это не про нас!» - однажды сорвавшись, теперь лилось неостановимым потоком. И наша героиня поняла, что всю ответственность за силу искусства она теперь обязана взять на себя, так опрометчиво объявив ребенку, что книжка про нее и ее мальчика. - Ну, Вика..., Вкусечка..., ну, что ты. Ну, конечно, нет... Конечно, не про вас..., у вас все будет хорошо..., и все будут живы..., и никто не умрет..., и все родители помирятся..., потому что любят своих детей и желают им только счастья. Я не то хотела сказать. И Вика снова начала рыдать. Она снова обнимала чужую девочку, вместе с ее мокрой от слез подушкой. Утешала, качала из стороны в сторону. «Все будет хорошо. Вы поженитесь. И нарожаете детей» И новый виток рева... - И дети у вас будут нормальные, красивые, никакие не моджахеды. Я вон, видишь, тоже черная. А ребенок у меня блондин. - Да? - Да, красивый мальчик. - Вы тоже... Ну, вот, помирились, кажись! ЛЛ перебралась обратно на свою неудобную койку. А Вика забила в самый угол своей, такой же неудобной, подобрала колени к самому подбородку, обняв их руками, на которые натянула длинные рукава свитера: «Больше не буду читать никакие книжки!» - сказала она, бессистемно всхлипывая. «Почему?» «Там всегда все плохо кончается» - А вот в этом я с Викой совершенно согласна, - оторвалась от созерцания снежинок Глафира Андреевна, - у меня появился ответ на твой вопрос. - На какой? - По поводу «читала ли я?» Она достала свой мешок с передачей, поставила его около тумбочки и начала разбирать: - Мне восемьдесят девять лет. - Восемьдесят! девять?! - откликнулась наша героиня. - Да, я просто молодо выгляжу, - Глафира не могла не ерничать, - Мне восемьдесят девять лет - она достала из мешка яблоки, бананы, огромную пачку влажных салфеток - Мне в сорок первом было четырнадцать - сказала она, присев на койку, и зависнув на пару секунд. - Мальчик, с которым я дружила, записался в ополчение в первые дни войны. А во вторые дни - его уже убили. Под Лугой - она снова занялась пакетом, достала пачку чая в пакетиках, следом маленький чайничек. - Из всей семьи блокаду пережили я и старшая сестра, мы работали на Кировском заводе. У нас все умерли - она растерянно оглядела тумбочку, складывать больше было некуда. На выручку пришла Вика. Она выбралась из глухой обороны, расправила одеяло на своей койке, и застелила часть его полотенцем. Бабушка кивнула и продолжила: - Потом мы уехали в эвакуацию, на Урал... Там учились. Там повыходили замуж, там родили детей... Они думают, что нас тут*

не кормят совсем!.. Вика, детка, помоги мне, тут котлетки, да, да, выложи, пожалуйста... У меня невестка старшая, очень вкусно готовит. Девочки, подходим... Девочки не очень дружно, но подходили и угощались. Зато одобряли очень дружно:- Ой, как вкусненько! А что там такое, что так вкусно?- Да ничего секретного, просто мясо хорошее - дальше она обращалась уже только к нашей. Все остальные тоже зашуршали пакетами- Ну вот, мы с мужем были инженеры-физики, в командировках полжизни. В Белоярке, в Чернобыле, в Сосновом Бору. Муж умер, рано, болел не долго, не очень мучился, в Чернобыль мы уже без него попали... Трое детей. Надо же кормить, учить, одевать. Столько сил ушло, чтобы их поднять, а трудно, одна. И как-то не до литературы было... А тут стала пенсионерка - я рано ушла на пенсию, просто потом еще много лет работала - вышла на пенсию, давай читать - и не могу!.. Не хочу!..- Что-что? Скажите мне, я прослушала - отвлеклась от котлетки Викуся.- Да что-что... Вот говорю Лене, что читать не могу. Все эти страсти! Все это можно пережить в юности! Вот в таком возрасте...- она показала на Вику - Вот так откликаться на чужие трагедии... я уже не могу... Мое старое сердце заслужило мелодрамы... Назови мне какую-нибудь вещь, в которой все хорошо кончается, и я прочту. А так - нет! Я хочу хеппи энд! Вика во все глаза смотрела на новую Премудрую тетю Глашу. И, кажется, утешалась таким мощным союзником.- Глафира Андреевна. Я вас поняла. Я согласна с вами во всем. Я как-то не подумала, и Вику вон как расстроила. Прости меня, ребенок. Ребенок покивала без обиды.- Я-то считаю, что в «Ромео и Джульетте» - самое главное - первая часть. Не смерть, а любовь. Вот как мои дети читают. В кратких пересказах. Вот так же всю вещь читать в пересказе. А любовь - специально зайти в текст, чтобы насладиться всей этой нежностью, этой лаской, этими эпитетами, этими объятьями, прикосновениями, понимаете?.. А все остальное вообще можно переписать. Викуся, а что у тебя там за вкусняшка?- Ой, это такая вкусная штучка... Подожди, Вика... Лена, как переписать?- Ну, так... в свой сценарий жизни взять только любовь, а остальное переписать.- Да как?- Как текст, спасибо, м-м-м, вкусненько.- То есть, Раскольников старуху не убивал?- Нет, не убивал. Ему приснилось. А потом он встретил их на рынке, и упал в ноги Лизавете. И целовал ее ботинки и плакал, «какое счастье, что вы живы!»- А Рогожин не убил Настасью Филипповну?- Нет, они с ней... уехали... на Воды... А князь Мышкин приезжал к ним на лето погостить. Вике понравилась игра и она тоже вписалась:- И Базаров не умер?- Нет... Он стал успешным практикующим врачом и любовником Одинцовой.- И Ларису Дмитриевну не убил Карандышев? - уже смеялась Глафира.- Нет. Она вышла замуж за Паратова... - наша героиня сама засмеялась собственной дерзости! До чего же приятно быть доброй феей! И раздавать счастливые судьбы истосковавшимся русским женщинам! Да почему только женщинам?- А Болконский женился на Наташе Ростовой, не дожидаясь паскудника Анатоля, не ушел на войну, и не умер от ран. Глафира смеялась, Вика смеялась. Даже Айжан отвлеклась от своего молокоотсоса, и улыбалась в пол-оборота к компании. Одна Марина сидела задумчивая, ее как юриста смущал такой правовой беспредел: - Но тогда все трагедии превратятся в комедии.- Да, ну и что? Давайте лучше чай пить. Ленка, а у тебя там в пакете чего?- Я еще не видела, Вика, можно к тебе? - и она принялась выкладывать принесенные дары на Викин дастархан. Потихоньку и Марина расслабилась, поддавалась легкомыслию, выбрала себе вкусную штучку, и включилась во всеобщее веселье. * * * Кроме капельниц и уколов в их ангинальном отделении были куда более неприятные процедуры и манипуляции. Например, почти ежедневные походы к ЛОРу, с неприятными осмотрами, однократными вскрытиями, и бесконечными разведениями краев абсцесса. И последующими полосканиями. Некоторые, между прочим, чуть ли не падали в обморок! Потому что это же все в горле! При том на мужской половине таких было даже больше. После ЛОРа в палате надолго замолкали разговоры. Выполоскав свои порезанные гнойники, измученные женщины засыпали. Или уходили в себя. Или, что-то там себе читали или смотрели. Но молча. Никакого желания затусить. Наша героиня тоже спала, или молча лежала, закрыв глаза, думая о своем романе, в каком-то мучительно-сослагательном наклоне-

ние. И удивлялась, насколько все эта болезнь и ее лечение были точной хотя и не поэтической метафорой ее романа. Не роза там, не откровение, не борьба. Или что-то другое. А нарыв.

О РЕВНОСТИ.

У меня сложился новый образ одного моего знакомого. Раньше он был мальчик. Нет, в жизни он не был мальчиком, он был мальчиком в своих произведениях. Дерзким. Импульсивным. Злым на язык. Блестяще ироничным. Богатым на ассоциации. Изобретательным. Умным. Эрудированным, но без всяких там журналистских штампов и

банальностей. Но неотразимыми его тексты делало одиночество, неотразимыми - для женского сердца, я имею ввиду. Такой молодой одинокий голодный волк. Страждущий всего: счастья, любви, признания, почестей, наград, славы - я не знаю, еще чего!

А сейчас он кажется совсем другим. Взрослым, сосредоточенным, все время занятым. И будто он широким и быстрым шагом ходит по длинным коридорам, раздает указания направо и налево, принимает решения, которых ждут многие взрослые же люди. К вечеру он садится в машину, приезжает домой, делится впечатлениями дня с женой, съедает свой ужин, и еще какое-то время работает в кабинете, укладывается спать, обнимает, засыпая близкую женщину, краем сознания цепляя планы на завтра.

И как-то так неловко за себя. И ч

то я тут делаю, ваще? Вот уж меньше всего мне пристало досаждать взрослому, успешному, занятому, благополучному и женатому мужчине. Я ведь не молоденькая глупая любовница, я сама дважды была замужем, я знаю силу слова «жена». И степень близости, и тысячи нитей из родных, детей, друзей, домашних животных. Общих воспоминаний, общих проектов, потерь, приобретений. Общих пристрастий в еде, в быту, в сексе. Общих тайн. Общих праздников. И никогда бы не стала соперничать. Это даже не ревность, это нормальное чувство самосохранения.

Но женщина, которую он обнимает во сне, не идет у меня из головы. Ведь он обнимал ее уже тогда, когда для миллионного города был одиноким волком, и поголовно все женщины интеллигентных профессий вырезали его очерки из газет и складывали в папочки, у меня и до сих пор нет-нет, да выпадет из какой-нибудь книжки пожелтевшая вырезка. Как она выносила этот трубный зов, этот вселенский адюльтер? Объяснение только одно. Этому может противостоять только еще большая уверенность в себе и в нем. В себе. И в нем.

Это удивительно как хорошо. Безотносительно меня. Это хорошо.

*Это правильно. По взрослому-то это поднимает его, и ее, на другой уровень, на значительную высоту. Это делает честь обоим. Просто при чем тут я? Внутреннее чувство говорит мне, что это удивительно как хорошо. А внешнее - ропщет. Еще как ропщет! Зависть просто топит и тоска. И собственной самооценке это - полный пипец! Раньше я это еще хуже переносила. Помню, как-то одному другу пьяная плакала в плечо: «Я не встану в эту ***скую очередь с его читательницами!»*

А сейчас, похоже, встала. Уговариваю себя, почему Цветаева могла вести переписку с миллионом поэтов? Но у меня нет уверенности, что мне достаточно переписки. И даже есть уверенность, что совсем недостаточно. С расстройства я даже заболела. А мне уже завтра нужно быть здоровой! На работу!

Я выпила два термоса невкусного травя

ного чаю, полощу горло фурацилином - проклятый февраль, и думаю о чужом муже.

(ЛЛ)

** * * Из больницы она вышла уже после праздников. Чему была рада, потому что все эти школьные февральские радости хороши, когда тебе пятнадцать, ты тайно влюблен в кого-то, и это повод, сделать знак внимания своему предмету. Например, в прошлом году, в их почтовый*

ящик какая-то девочка положила валентинку, с лаконичной подписью «Для Ильи». Сын был озадачен, но польщен. Света – насторожилась и промолчала. А Вика, девочка, с которой они лежали в больнице, сказала, что день Святого Валентина - это самый любимый ее праздник. Потому что можно придумать столько приятных сюрпризов, и весь день провести вместе, а перед этим еще выдумывать, во что одеться, и... ждать, что придумает он, и..., и... Но после этого же еще и 23 февраля. И все тоже сходят с ума. Она помнила это еще из своих школьных лет. Какой головняк был купить подарки мальчишкам, так мало денег, а сказать хочется так много! В какой-то из годов они подарили пацанам зеленых надувных крокодилов, смысла не было, просто они были по деньгам, большие и нарядные. А еще в те времена была популярна песня «а мне-е опя-я-ть присни-и-и-лся кро-ко-дил зе-ле-ный, зе-ле-е-ный при-и-и-зе-ле-е-ный, как моя тоска». Так что смысл все-таки был, и даже немножечко романтичный. А с тех пор, как она учительствовала, дети приходили советоваться, и это было так утомительно. С сыном она не умничала, это был праздник, на который она обновляла ему трусы, майки и носки. В кругу друзей креативный центр находился в другом месте, и от нее обычно требовались только согласие и посильный взнос. Поэтому возможность сбежать с этого урока воспринималась в целом позитивно. Вика всех их сильно развлекла на 14 февраля. Хорошенькая девочка Вика целый день готовилась. Распрямила свои прекрасные выющиеся каштановые волосы. Подвела красивые серые глаза. Поколдовала с пудрой. Перекрасила ногти. Втиснулась в практически детские джинсики, от чего стала еще стройнее и длиннее, обулась в сапоги на вот таких коблах, тесный в груди и очень стильный свитер, последним штрихом были губы – й-яр-ко красные! - и стала просто женщина-вамп! Как они это делают?! Эти маленькие девочки откуда-то черпают эту невозможную сексуальную жуть! Это не поддается анализу! Как говорит один ее знакомый, это люди с другой физиологией! Кто бы заподозрил в ней теперь больного, нежного и ранимого ребенка? Но самым удивительным оказалось то, что наша героиня прекрасно знала мальчика, которому все это предназначалось. Уходя на свидание, девочка пообещала пройтись под окнами. Всем своим престарелым коллективом дамы столпились у окна, посмотреть на мужчину, нереальные достоинства которого стали уже предметом постоянных обсуждений... Ваня Суфуев! Наша героиня в последний момент успела отпрыгнуть от окна. И пока Глафира сквозь стекло давала детям указания застегнуть куртки, и надеть капюшоны, Елена Алексеевна, учитель русского языка и литературы приходила в себя от досады и смущения. Да вот этого не хватало! Две реальности наехали друг на друга, и в их столкновение было что-то чертовски неприятное. Как-то она почувствовала себя обманутой и обманщицей одновременно. Ну, конечно, ради Вани стоило так наряжаться. Красивый мальчик. Высокий, широкоплечий, сухой. Черноглазый и чернобровый. Смуглый. Татарин же. И этот румянец во всю щеку, красные губы, острый взгляд. И это упрямство и достоинство, которое было заметно даже в осанке, даже в походке, и даже когда он просто сидел за партой. Она как-то в первый раз посмотрела на него глазами девушки. Да, но Вике двадцать, а Ваня еще школьник. Хотя, что такое три года. С другой стороны она помнила его пятиклассником, рубашку, вечно вылезавшую из брюк, пухлые щечки, ошибки, полный игнор разделительного мягкого знака, помнила его ленивые сочинения, задиристость и дерзость. Ученик вырос, а она и не заметила... Все равно, не накладывался один образ на другой. Но Ваня, который с Викой, совсем другой, чем в школе..., он так красиво обнимал Вику за плечи, так по-взрослому, и немножечко снисходительно, и чуть по-хозяйски, да еще и Вика – такая - покорная вампирша! Она решительно отогнала мысль, что дети занимаются сексом, и, наверное, очень красивы, в этом смысле. Вика вернулась сияющая, как звезда. Коллектив учинил допрос с пристрастием, а наша героиня постеснялась в этом участвовать.

О МУЖЧИНАХ.

Мужчины в этот день совсем не похожи на себя.

Мягкие зайки становятся воинственными, вспоминая себя в камуфляже. Брутальные - расслабленными от женского внимания и ласки. Робкие - дерзкими, скромные сантехники - командирами расчетов и взводов.

Каждый из них ждет сегодня разговоров о своих шинелях, сапогах, и автоматах. Но мы, женщины, их такими не знаем, не видели. Только на фотках. И для нас они остаются существами мифическими в этом плане. И то, что твой мужчина - крутой перец! - для женщины иногда вещь недоступная для осознания!

*Ведь то, что твой мужик пьянь и рас****яй объясняет, почему ты такая молодец, тянешь всю семью, и детей, и его дебила. Женщины в семье самоутверждаются за счет мужчин. Этот факт насколько же очевиден, насколько не осмыслен.*

По правде сказать, мужчинам в быту совсем нет места. С эпической точки зрения мужчина никогда не жил в доме, он его строил, он в него возвращался после ратных подвигов или охоты, отлеживался, отъедался, зализывал раны, закладывал новых детей и опять уходил в мир. Для своего дома он был защитой на дальних подступах, добытчиком, кормильцем, но уж никак не комнатной собачкой, обслуживающей амбиции женщины!

Защитники они или нет сейчас, когда-то они этим были! И с точки зрения задумки о Мужчине, это - самое главное мужское предназначение!

И часто мужчины возвращаются в годы службы - практически юности, как в единственные значимые годы жизни. Некоторые иронизируют по поводу этой значимости. Некоторые ностальгируют. Но возвращаются все.

Им с нами скучно, дорогие женщины, мы не даем им быть тем, чем им положено быть!

Довольно трудно получать удовольствие от статуса мужчины с такими воинственными бабами...

Так она написала, рефлексировав по поводу мужского праздника. Но потом после разговоров с Глафирой, ну и вообще разговоров на восьмое марта, добавила:

Но я хочу объясниться с мужчинами, попросить прощения и, может даже немножечко оправдаться от имени женщин.

Ну, да, русские бабы невъносимы!

Но русским бабам тоже нужно поставить памятник!

Три поколения русских женщин прожили без мужей: первая мировая, революция, гражданская война, репрессии, вторая мировая. Наши бабушки поголовно были вдовы. Их матери. И матери матерей. Они стали вдовами раньше, чем сами созрели для любви.

Их единственной любовью были сыновья. И они портили их, как только могли. Ценность мужчины для семьи осталась высоченной и даже может быть преувеличенной, а смысл этой ценности извратился с точностью до наоборот.

Мальчиков баловали, освобождали от всех забот и обязательств, подносили рюмашку по поводу и без, и в итоге вырастили декоративную породу мужчин: маменькиных сынков, неспособных ни к чему, всего пугающихся, безруких, ленивых подкаблучников, ни за что не отвечающих, ждущих решений от женщин, готовых согласиться с женским деспотизмом, лишь бы только не трогали!

Эта порча в нас - историческое наследие. Никто лично - не виноват! Но делать что-то нужно. Позволить мужественность своим мужчинам не на один только день в году. Стать мужчинами не на один день.

Довериться - доверить. Полюбить - позволить любовь. Осмелиться, позволить другому смелость. На самом деле не так это и просто. Но важно!

Чтобы не тащить это недоразумение в следующие поколения.

К счастью новые поколения волевым решением возвращают себе исторические роли, и им будет легче преодолевать нашу традиционную косность.

Но для этих поколений и этот праздник перестанет быть тем, чем был для нас. Поводом сказать своим мужчинам о том, что мы помним, кто они есть! (ЛЛ)

Глава 2.

Ваня все-таки узнал, что они с Викой знакомы. Чего она и опасалась! И обнаружилось это в самой неподходящей обстановке. На уроке. Он сказал:- ЛенЛексевна, а вы не могли бы рассказать про вашу игру?- Какую игру, Иван?- Ну, типа «перепиши классику».- А ты откуда... А... П-фф!.. Ну, вообще-то у нас другая тема урока. И это развлечение не имеет к ней никакого отношения... Класс зароптал, и стало понятно, что в общих чертах он - в курсе. «Расскажите..., ЛенЛексевн, пожалуйста..., о-о-о, пожалст..., хо-о-тим, о-о-о, интересн..., о-о-о»- Давайте так, мы заканчиваем урок, и на перемене пять минут говорим на эту тему. Всю оставшуюся часть урока она обдумывала, как же преподнести это хулиганство детям, не уронив высокое Знамя Литературы. Реальности, наехавшие друг на друга, влекли за собой последствия если и не неприятные, то непредсказуемые... * * *- ...Ну, вот, собственно, ничего секретного...- У..., а мы думали... А че, прикольно... А что можно переписать?- Послушайте, коллеги, - попыталась она пошутить, в духе Глафиры, но внезапно обнаружила молчаливую и настороженную аудиторию, – послушайте, коллеги... Литература делится на ту, которая вам нравится и ту, которую нужно знать. Я могу выбирать, а вы - нет.- У-у-у...- И вот почему?... Потому что я ту, которую нужно знать – уже выучила. Сдала. И получила оценку. А вы – еще нет... Поднимите руки, кому не нужен аттестат?.. И значит... Литературу, Которую Нужно Знать, вам придется прочесть. Сдать. И получить оценку.- У-у-у...- Но я хочу вас утешить... Литература, Которую Нужно Знать – очень классная! Просто нужно знать, как ее читать.- У-у-у...- Можно роптать на произведения, которые вам не нравятся, и считать это уважительной причиной, чтобы не читать их. Но если вы не читали, откуда вы знаете, нравятся вам они или нет? - У-у-у... читали... отстой... да, ну!.. у-у-у- А если читали и не нравится, то перепишите! В этом и была шутка, о которой Иван... вам рассказал. Можно роптать на жизнь, а можно закатать рукава, и переделать все, так как нравится, это тоже творчество. Наташе Колбасиной не нравится Кабаниха, перепишите этот образ. Ване Суфуеву не нравится Раскольников. Перепишите.- Да ну!- Вот! Все дело в этом – «да, ну!» Но если «да, ну!» тогда дальше только литература, которую нужно знать! Урок окончен.

«...В жизни никогда нельзя сказать наперед, что в ней главное, а что - лишь частности. Мастерство жизни, как и искусство читать романы, состоит в умении наслаждаться формой, деталями, всей этой прихотливой избыточностью.» Л. К.

Март.

Есть в Питере пора, которой ждет сердце всю зиму. А нужно знать, какова она питерская зима - серая слякотная угрюмая тоска днем, черные промозглые ночи, это плохо называется на энергетике, что бы там не говорили местные. А в марте что-то происходит. Появляется солнышко. Не часто, ненадолго, но уже систематически.

В это время оригиналы из питерских загорают на Петропавловке. Выглядит это примерно так, одетые в шубы люди занимают места вдоль стены, снимают с себя - че у кого там, и остаются в купальниках и шубах. Шубами они опираются о стену, а голыми частями соответственно к солнышку. Зрелище - не для слабонервных.

Есть в Питере и более приятные приметы Весны. Но тут возникает проблема с формулировками. Ледоход - не назовешь это так, это в больших реках лед ломается, вода буравит берега и все такое - так сразу! мощно!

А в Питерских реках и каналах все начинается с проталин. Подтаивает середина, потом подбирается к берегу, эти промоины тут же обживают утки. И даже Нева на какую-то неделю становится огромным вспухшим прудом. Ниже и выше по течению - лед, и только

в городе - чистая вода. И гладь этой вспухшей бадьи кажется даже визуально выше линии берега, впечатление, что воды Питеру - по глаза.

Да вот еще пруды выглядят серебряными на просвет, и это тоже такое чисто питерское зрелище, лежит такой шмат серебра или ртути, вблизи он, конечно, мутно-белый, как и положено льду, но вот издали... То ли это маленькое и могучее солнышко усиливает способность отражать, то ли лед, прежде чем растаять, становится прозрачным от счастья!

Проблема в том, что кроме романтического льда, в это время таять начинают и вполне прозаические тонны дворового снега, как говорят бабушки - "говна плывут". Этакая дихотомия снега и гэ.

Наша героиня тоже растаяла. Начало Весны застало ее в лирической переписке. Ее наркотическая зависимость от его текстов даже не обсуждалась. Обсуждалось как раз отсутствие новых текстов, планов, кризис жанра, вечная загруженность. Усталость. Опустошенность.

Как настоящая поклонница она так прониклась этой его неузнаваемой обреченкой, просто утонула. И утонула бы, но тут включилась ее деятельная сторона, которая тут же развернула передвижной штаб по спасению утопающих. Штаб реально был передвижной, она набирала тексты в метро, без запятых и знаков препинания, без проверки орфографии и стилистики. Вообще, это было ей не свойственно, но она написала несколько страстных записок и одно детское стихотворение. Отправила все это своему герою и получила пинка в ответ.

И впала в ступор. Слезы застыли в глазах, как вода в Неве - выше линии берега. Уже и Неву прорвало, реальный ледоход поражал воображение скоростью и шириной, а она все пребывала в этом гипнотическом состоянии. А да, она же еще и переписку удалила!

Без переписки, без героя, без планов, без жизни. Он, наверное, тоже, подумала она. Но как-то же он ее нашел? И она устала в свою страницу на мониторе. Да просто прочел! Ну, конечно! В выборе текстов просматривался какой-то смысл и логика. И даже послание.

И потом, так хотелось, чтобы оно было. Послание. Смысл. Логика. И сам герой. (ЛЛ)

** * * Через неделю Наташа Колбасина спросила:- ЛенЛексевна, а если я действительно перепишу образ Кабанихи?ЛЛ на минуту зависла, разглядывая точеный овал Наташиного личика, нежную кожу и дерзкий пирсинг в ноздре:- Конечно, перепиши, - она уверенно посмотрела Наташе в глаза, - если хочешь, мы это прочтем на уроке, обсудим. Только нужно вот что: кто-то должен сделать сравнение твоего варианта и оригинала... И, лучше, чтобы не ты.- Почему?- Потому что у тебя предубеждение... авторское, - она ободряюще улыбнулась, и поискала глазами по классу, - Саша Александров, подойди к нам на минуточку. Саша подошел весь пунцовый. Наташа, тоже как-то изменилась в лице. Это был, конечно, провокационный ход, всем давным-давно было понятно, что они друг другу нравятся:- Саша, нам нужен критик.- Какой еще критик?- Литературный, какой еще... Нам нужно критически сравнить два варианта текста. Когда будет готов текст, - обратилась она к Наташе, что-то подсказывало ей, что текст уже готов.- К выходным.- За выходные сможешь сравнить? - мальчик кивнул - Значит... в пятницу подходите ко мне. Ты - с текстом, а ты - к этому времени прочитай саму пьесу... как какую?.. «Грозу», конечно... читал, значит, хорошо, еще раз прочти, ладно?.. Во вторник мы обсудим это на уроке... А в понедельник вы ко мне еще раз подходите... Наташа, я попрошу тебя, сделай мне тоже копию, хорошо?.. Отлично... Работайте. Еще... я попрошу вас... обоих... пока между собой это не обсуждайте, договорились? Дети чуть разочарованно покивали. * * * С чего вообще вся эта суета? Такие сложности! Не проще ли было просто переписываться, или даже перезваниваться. Теперь столько простых и дешевых способов коммуникации. Так да! Так и было. Они и переписывались, просто, как бы объяснить-то..., ну, людям - по сорок. Ну, не дети же! И занятые оба. Особенно он. Он вообще человек солидный, в галстук, миллион подчиненных, тыща заседаний, постоянно кто-то звонит, ищет.*

Переписка наполовину состояла из фраз «если можно, попозже» Он еще как-то так относился к переписке, что вот пришло письмо, надо тут же отвечать! Да и ей: на уроках - отключается, в деревне - ее саму отключают. Половину жизни - вне доступа. Да еще разница во времени. Ну, и еще он женат. Короче, они поссорились.....И она удалила переписку... ..Обиделся... Долго объяснять... В общем, он ее заблокировал... При этом читательская активность на ее странице повысилась в разы. И она опять переселилась туда, в инет. Читатель проявлял удивительное знание ее творчества, и это было так ошеломительно для нее, как для автора, неизбалованного вниманием публики. Он (читатель) заходил в такие тексты, о которых она забыла, и ей приходилось перечитывать себя, чтобы вспомнить. И ей так нравилось это пристальное внимание, и, как наивной девушке, виделся смысл, и послание: «Ах! Десять знаков внимания!» Глупо, да? А вот в конкретной ситуации – не глупо совсем! Когда нет других вариантов, а чувства уже есть... Ее даже Антон Палыч Чехов бы поддержал. Это его героиня придумала в «Чайке»: «если вам когда-нибудь понадобится моя жизнь – придите и возьмите ее... бла, бла» Ну, в общем, вот так они и дружили. То он ее блокировал, то она его удаляла. То он снимал блоки, то она восстанавливала удаленное. И тут мы многое пропустим, чтобы читатель не заскучал, чужая страсть дело скучное... Оставим, как бы многоточие в центре текста, будем считать, что сюда вместились много чужой жизни и любви: потеря, страдание, попытка отпустить, попытка удержать, счастье возвращения, утешение новым обретением... Ну, надеюсь, что я понятно объяснила. * * * Во вторник Саша Александров сделал красивый анализ образа Кабанихи: что образ гадкий, что она деспотична, жестока, подминает под себя всех домашних, подавляет творческое начало, заставляет людей хитрить или отмалчиваться, и это приспособленчество уродует людей, унижает и делает несчастными. Что она суеверна, привержена Домострою, и считает, что муж должен бить жену. Не понимает человеческих отношений, всех считает подлецами, и в ее душе нет веры в светлое начало в человеке. Потом выступила Наташа и сказала, что новый образ Кабанихи сделан с точностью до наоборот. Новая Кабаниха, добрая, нежная женщина, всем все позволяет, никого не заставляет хитрить, всем верит, любит старушек, и все ее любят в ответ... Что она не обижает ни Тихона, ни Катерину, ни Варвару. И жители города ее искренне любят. Потом ЛЛ спросила у мальчика, понравился ли ему новый вариант пьесы. И тут он затормозил и потом совсем умолк... Потом она спросила то же самое у Наташи, и та тоже немножечко смущенно замолчала.- Я с большим удовольствием прочитала Наташин вариант пьесы, - сказала ЛЛ, - особо хочу отметить слог... Садитесь... Очень хорошо стилизована речь Кабанихи, кто захочет, может взять новый текст пьесы и после прочитать. И я авторитетно заявляю, что новые реплики Кабановой написаны очень хорошо! Но я хотела вот о чем поговорить. Все мы знакомы с текстом... Скажите, если бы Кабаниха была добрая, стала бы она обижать сына?- У-у-у...- А Варвару?- У-у-у...- А Катерину?- У-у-у...- А если бы Катерину не обижали, каково было бы ей в этом доме?-- Ну, смелее, ... Наташа.- Наверное, нормально...- Да, наверное, нормально... А если бы ей было нормально, стала бы она искать каких-то связей на стороне? влюбилась бы она в Бориса? изменила бы мужу?- Наверное, нет...- Совершенно верно... Если человеку хорошо, разве он будет искать... правильно Миша, приключений...? Но что тогда получается. Если бы Кабаниха не была Кабанихой. Катерина жила бы в ее доме ничуть не хуже, чем в доме матери, верно? И тогда...- Она бы не познакомилась с Борисом... - «И?» - Не ушла бы в загул. - «И?» - Не изменила мужу - «И?» - Пьесы бы не было...- Молодец, Иванов! Пять. - «Пьесы не было бы», Саша, почему?- Ну...,- Наташа?- Смелее... Думаем... Тамара?.. Света?.. Олег?.. Ваня? Ну, давайте подумаем, что делает пьесу, что ею движет, что в пьесе главное?- События?.. Отношения?- Правильно, отношения, Коля Задачин – пять! - События. Отношения. Конфликт. Наташа хотела отменить злую Кабаниху. И правильно хотела! Пять Наташе за это! И за сочинение - еще раз пять! Но без злой Кабанихи у нас развалилась вся пьеса. Нет конфликта – нет произведения. И теперь мы вплотную подошли к понятию конфликт произведения. Открыли тетради... записали

число: ...Классная работа. Конфликт. Как мы только что выяснили, конфликт является основой художественного произведения, без него произведение разваливается... * * * «Окуджаве не хватило любви к профессии» - говорили о нем, имея в виду профессию учителя, которую он, как бы, предал! Не Хватило Любви К Профессии Педагога! Пф! Наша героиня его отлично понимала. У нее этого не просто не хватало. У нее этого в принципе не было! И даже больше, ей казался лживым даже сам пафос сентенции. Ах! Как это вообще можно любить? Для этого нужно иметь какое-то извращенное представление об искусстве. Может сержант любить свою работу? За что? Вечно молодые, тупые, неотесанные и злые солдатушки, готовые послать и посылающие за глаза. Разговор? По душам? Да прям! Упал! Отжался! Все! Вечная битва за власть! Вот! Власть! Вот что любит сержант! Но при чем здесь любовь к профессии? Кто такой учитель? Это сержант, только в юбке. Вечная битва за авторитет! Вечное противостояние с молодыми и тупыми, которых надо подавить, застроить, заставить, научить, и еще потом получить результат! Творческий процесс? Я вас умоляю! - Методика и диктатура! Все! Разговор по душам? Да прям! Дневник на стол! и завтра с родителями! И потом, не интересно с ними по душам! Все, что они там себе придумывают, такая фигня! Такой детский лепет. Такие уморительные амбиции! Такие нелепые притязания на глубокомыслие! Кто вообще придумал, что дети – кроткие ангелы? Лентяи. Разгильдяи. Злюки. Тугодумы! Дедовщина, гламур и глянец! У них в школе была группа, так и называлась гимназия «такая-то» А у нее же классное руководство и она там записки оставляла, мол, завтра дежурим – все к восьми! Слушайте, такой дурдом! Такие гадости пишут про учителей, что она аж взбесилась! Долго думала, а потом завела страницу «Плохая училка» И вот уж там оторвалась! Хорошим таким языком, с эмоцией, сказала все, что накипело! Неделю не ходила, а потом зашла и ошалела – оказалась звездой!! Гадости были заурядные, тупые, без выдумки, мат банальный – «блянах». Она не поленилась и ответила, на все посты! Отвечала с удовольствием, даже с яростью, и без оглядки на цензуру! Никогда не получала такого удовольствия от писанины. Выписала все, что скопилось в бедном учительском сердце. Получилось красиво. Жестко. Как английский бокс. И тут, наконец, поняла, что может... Дальше преподавать... Ну, чтобы было понятно, образчик стиля: «С точки зрения синтаксиса – это слишком сложное предложение, стилистически сложность – не оправданна, по-житейски – это вульгарно, а физиологически – не выполнимо. Фильтруйте базар, молодой человек, вас читают знакомые и одноклассники» Или вот еще: «Я обдумываю предложение, но в любом случае, не в ближайшее время... Следует дожидаться, пока у вас появятся возможности собственно и навыки соответственно. Боюсь, что пока вы свои способности сильно переоцениваете...» «...Милая барышня, а вам-то это зачем? Учтите, что у вашего приятеля сомнительный вкус, и он только что предложил связь целому эскадрону пожилых женщин...» «А на аватарке ваше фото? Молодой человек, у вас на лице написан сперматоксикоз! Ваши обещания – это угрозы? Или, всего лишь, ваши эротические фантазии! Ах, я так напугана!» Это было примерно через год, после начала ее педагогической деятельности. И с тех пор она иногда пользовалась этим ресурсом. В дешевую полемику больше не вступала, но, если в школе происходило что-то из ряда вон – реагировала. Как учитель, только не повязанный педагогическим кодексом, как человек независимый и достойный. Педагоги оказались такими незащищенными перед этим детским сетевым произволом. За эти годы страсти поулеглись. Тон сам как-то смягчился. У нее появились поклонники. Иногда задавали вопросы. Иногда она отвечала. И все эти годы она отдавала себе отчет: ее, как педагога, спасла именно эта возможность не любить детей, не любить профессию. Просто делать дело. Иногда это в сто раз лучше, чем пылкая любовь к детям. * * * - Лен.Лексевна, а как бы вы переписали «Грозу»? Наташа очень страдала от своей поэтической неудачи. И ее совсем не утешила пятерка.- Наташа, боюсь, что ее нельзя переписать без ущерба для художественной ценности, - ЛЛ выставляла ей в дневник уже третью пятерку, после злополучного кабанихинского конфликта, а вопрос так и оставался незакрытым.- А как же вы

тогда переписывали? - Что мы переписывали? - Ванька... Иван Суфуев говорит, что вы чуть ли не пол учебника переписали, пока в больнице с его девушкой лежали. ЛЛ засмеялась: - Наташа, мы же в шутку! - Ну, например, в шутку, как бы вы переписали «Грозу?», - не унималась та. - Ну, я бы на месте Катерины, вышла замуж за Бориса, уехала бы с ним в Сибирь, а оттуда написала бы письмо Тихону, что там отличная рыбалка и много красивых девушек, чтобы он убрался от своей мамы, и пусть они там с Варварой бодаются, как хотят. Наташа засияла. ЛЛ тоже улыбнулась: - Но, при этом мое произведение не будет обладать никакой художественной ценностью. * * * Так легко разруливаются нравственные вопросы в детстве. Вот, раз - и ребенок счастлив! При этом взрослые отношения ведь не сложнее. В них больше условностей. Но ума-то не больше. В ее романе вообще не было ума. Но отношения неумолимо заходили в тупик, который становился все Уже, и уже сейчас можно было только пятиться. Временами она просто отдираала себя от клави. И сама себя измучила этими метаниями. В ней как будто уживались две абсолютно разные сущности. Да не уживались, в том-то и дело. Ссорились! Одна била посуду, а другая гонялась за первой с веником и совком. Или с валерианкой, смотря по обстоятельствам. Одна была гордая и страдала. От любви. А другая была совсем наоборот: легкомысленная и беспечная. При этом, тоже страдала. От жалости. Любила же она свою альтер-эгу. При том, дружили-то они тоже с двумя. Там тоже был нежный ребенок. И злобный, так и хочется сказать старик. Ну, пусть будет. При том, что старик своего мальчика тоже не слушался. И когда тот просился поиграться с подружкой, старый хрыч рычал, и объяснял структуру момента. Иногда, когда бабусе становилось особенно неумолимо, девочка предлагала позвонить хрычу. Бабка сердилась и била посуду... Ребенок успокаивал, как мог: «ну, все, все, я пошутила, конечно, я больше тебя люблю! я тебя лучше знаю!.. Давай обнимашки!.. Ну, все, успокоилась?.. Ваню жалко!.. И Кощя жалко, классный он! Хороший! Нельзя ТАК думать, ТАК говорить, ТАК писать и быть уродом! Не верю я!» И пока ЛЛ готовилась к урокам, проверяла сочинения, или стирала, или готовила, в ее голове эти двое вели вполне самостоятельную жизнь. Разговаривали. Спорили. Объяснялись. - Эх, Алёнушка, ребенок ты еще! Я с твоим Кощеем знакома три тыщи лет, не наш он мальчик, ударит - не задумается, сама сто раз на оплеухи нарывалась. Впереди него гордыня бежит. Он ради нее Ваню своего задушит, потом за тебя возьмется. Не позволю! - Да, ладно! - улыбалась Аленушка, - Че он мне может сделать! Я же ангел!))) А вот у тебя - гордыня! И она отнимала у бабки клубок с нитками. Та сердилась, возвращала вязание обратно в корзинку, и огрызалась: - А я хуже? И потом, он меня оч-чень обидел!.. Просто есть вещи, которые нельзя прощать! - и она продолжала вязание, вытягивая нитку из корзинки. - Ну, ты щас наговоришь! - смеялась Аленушка, снова нарушая порядок в вязание. - Как с тобой тяжело! - бабуся опускала руки и втолковывала егозе: - Нельзя! Прощать! если даже не просят! Он не просит! Это даже не подразумевается! Это он может обижаться, а ты - нет. Это ему можно тебе условия диктовать, на которых и дружить-то не хочется, не то, что там любовь. Понимаешь? ... Не понимаешь... Ну, и дружи сама со своим Кощеем! Девочка хорошо знала эту интонацию. И никогда не переходила границ: - Ба, ну, пожалуйста, пожалуйста, не буду я! Просто, ну, ты же любишь, страдаешь... И он. - Не любой ценой, детка, это - слишком дорого! - Ну, а если вам объясниться... Но тут уже бесилась сама ЛЛ: - Да почему я-то опять? У него так же есть мой телефон! Почему я? Чтобы опять оплеухи собирать? Он уже вчера меня ведьмой обозвал! искушаю я его. А он меня - нет? Белый, пушистый! Аленушка испуганно и послушно уходила спать в свою детскую постельку. Пока ведьмы за столом пили кофе или вино. * * * Наташа Колбасина ходила счастливая. Через пару дней ЛЛ встретила их с Сашей Александровым недалеко от Муринского ручья. А еще через пару дней они принесли ей переписанную версию «Дубровского». Краткое содержание они изложили так: Дубровский успел в церковь. Выхватил Машу прямо из-под венца, они уехали в Финляндию, там нашли работу, Маша сменила фамилию, и отец не смог их найти, и жили они долго и счастливо, купили машину и дом,

родили кучу детей – троих: двух мальчиков и девочку. Все, конец... ЛЛ понравилось. * * * К концу марта, Ольга Аркадьевна – математичка, спросила в учительской:- Лен.Лексевна, а что у вас происходит в одиннадцатом «А»?- А что происходит? Я ничего не знаю.- У вас какая-то игра, что ли? КВН? Они такие оживленные после ваших уроков, просто неуправляемые, все время что-то пишут и смеются, я не могу привести их к порядку.- Ольга Аркадьевна, ничего - все в рабочем режиме. Это они в игру какую-то играют. Что-то вроде счастливых писем.- Счастливых писем?- Ну, да, у меня мама играла, мы тоже, в детстве: «Пошлите девять таких писем, и будет вам счастье...»- М-м... - Ольга Аркадьевна не поверила. * * * Эта парочка в ее голове здорово разнообразила ее скучный учительский быт. Как и быт чиновника с той стороны разнообразили злобный старик и мальчик Иванушка. Дети признавались в любви, сидя за диваном, целовались в щечки, строили башенки и даже целые замки, чтобы потом пришли старики и закатили грубую брань и настоящую битву со скалками и валенками наперевес. После очередного сражения они выключались из эфира, оба! - чтобы через пару дней снова зайти: «не заходила ли?» «Может, он уже не сердится?» Иногда она набиралась решимости порвать, да и не мучиться. Иногда он писал, что-то нарочито грубое, навсегда... Она снимала ультиматумы... Он забирал обратно свои слова. То он делал выпад. И попадал. Он всегда попадал. То она. «Я бы, конечно, хотела дать сдачи... Да, и не хотела бы! Мне пофиг! И, наверное, хотела бы сказать, что все изменилось... И тоже нет. Ничего не изменилось. Тебе все можно... как всегда. А мне ничего нельзя... как всегда. Я лучше буду на тебя из окна смотреть... Как всегда. Это выход для всех... Береги Иванушку» Потом они оба делали вид, что у них идеальная связь. Или и вправду так думали, или очень хотели так думать. Не могли порвать... такие у них были высокие отношения. Н-да. Но не хотелось бы, чтобы вы считали этот роман только спасением от скуки. Потому что это было не так... * * * Дошло до шестого «Б» - ее любимчики, задали тот же вопрос. А что у вас с 11 «А»? Отговориться не получилось, пришлось объясняться. И вот уже она сама не могла привести к порядку свой любимый и обычно управляемый класс. Пришлось согласиться на одно внеклассное занятие. Но этим не обошлось. Не дожидаясь, дети начали перекраивать литературу. Муму сбежала от Герасима в лес, там ее подобрала соседка по даче. Накормили, и оставили у себя жить, а злую барыню и бесхарактерного Герасима, оштрафовала полиция за жестокое обращение с животными. И им пришлось заплатить штраф и отсидеть пятнадцать суток соответственно. Андрей не столкнулся с отцом, а убежал вместе со своей шляхтичкой в Турцию, и жил там себе спокойно до глубокой старости. Десятый тоже упражнялся: Чацкий – женился, Онегин - полюбил Татьяну в самом начале романа. Печорин – преодолел личностный кризис и остепенился. Обломов стал активным членом общества. Кирсановы не рассорились. Чайку не убили. Вишневы сад не спилили. Все, короче, счастливы. Особенно дети. Старшие классы лихорадило. Они носились с записками. Что-то читали друг другу на переменах и ржали. * * * Не хотелось бы, чтобы вы считали этот роман только спасением от скуки. Потому что это было не так... Это было спасением, но не от скуки... Пользуясь бабусиным календарем, эта история началась три тыщи лет назад. Первые документальные свидетельства относятся к... тысяча девятьсот девяносто... так... шестому – седьмому годам. И как добросовестные исследователи, мы не можем считать достоверными источниками только записки экзальтированной дамочки. Поэтому пока отложим доказательства. Тем более что ей, истории, все равно уже столько лет, что столько не живут! Пусть подождет еще пару глав. * * * После того, как страсть к переписыванию превратилась в нечто подобное плетению браслетиков из резинок, педагог в нашей героине забил тревогу, и на очередном уроке у 11 «А» она вынесла тему на повестку дня. - Я хотела бы обсудить с вами один момент... Что мы портим..., когда везде рисуем хеппи энды?.. А мы ведь портим... Помните, во что превратилась «Гроза» с хорошим концом... А Онегин?.. А Печорин? Ведь произведения теряют художественную ценность... Мы портим идею. Ломают конфликт, мы портим идею... Давайте подумаем, когда Островский

писал образ Кабанихи, он специально писал гадкую женщину? Или она у него случайно такая получилась?.. - Наверное, специально... - Я тоже так думаю. Зачем-то автору нужна была такая тетка – раздражающая вас, нервирующая... почему?.. Когда вы в произведение натываетесь, на то, что вам неприятно, на то, что хочется переписать, очень важно обратить внимание на это место.... Кто скажет почему?.. Потому что, скорее всего, в этом месте и есть проблема. ПРОБЛЕМА Произведения. И это – не случайность. Это часть структуры произведения. Кабанова вас бесит и это – проблема. Часть проблемы, а те, кого жалко – другая часть. Из этого состоит конфликт произведения. А ИДЕЯ произведения - в том, ЗА КОГО грубо говоря АВТОР... За кого автор?- За Катерину.- Верно. А против кого?.. против Кабановой, верно... Иногда, в произведение нет положительных героев, как у Гоголя, например, и тогда ИДЕЯ в том, ПРОТИВ КОГО АВТОР, а почему вам не нравится Кабаниха?- Потому что она..., такая гадина! Унижает всех, подминает под себя.- Верно, деспотичная, высокомерная, жестокая... - и ЛЛ выписала добытое с трудом на доску - еще...- Всех держит как в рабстве.- Властная... Верно...еще... - «ВЛАСТНАЯ»- Тупая... И упертая, в своей тупости.- Недалекая, верно... и упрямая, формулируем красиво – «Недалекая» «упрямая» ...еще...- Врет, что верит в Бога, а сама только следит, чтобы правильно молились- «Ханжа», верно.- А что такое ханжа?- Кто найдет в словаре? Малышев?- Это лицемер, человек, который на словах – одно, а на деле – совсем другое...-Хорошо, еще?..Прозвенел звонок- Не успели... Задание на дом... продумайте черты, которые мы не успели обсудить на уроке.Значит, мы выяснили, что Кабанова деспотичная, высокомерная, жестокая. Властная, недалекая в своем упрямстве, лживая и лицемерная и еще какие-то качества, которые мы еще вспомним... Такая...такая... такая – и все это – плохо, верно?.. И все это плохо... А что хорошо?- Вместо деспотизма - ... Оля?- ... равенство?- Верно... - и ЛЛ выписала на доску напротив «деспотизма»- Уважение к другому человеку...- Правильно, молодец Света.- вместо жестокости - ...?- Доброта...- Верно, ... вместо тупого упрямства ...- готовность услышать другого человека..., молодцы... вместо лицемерия...- Искренность и правдивость.- Молодец, Оля, пять... Как вы думаете, Островский, думал об этих положительных качествах, когда писал отрицательный образ?- Да-а-а-а...- То есть у него был идеал, то, каким должен быть положительный герой?- Да-а-а-а...- Вот это и есть ИДЕЯ произведения. Его, автора, ИДЕАЛ! То, как должно быть. И даже если герой противоположен идеалу, он все равно появился в произведение, для того чтобы подчеркнуть ИДЕЮ. Утвердить ИДЕАЛ... Так вот...когда мы рисуем во всех финалах свадебный конец – мы портим идеи произведений.- Вы же первая начали! - обиженно выкрикнула с места Наташа Колбасина. И по глазам было видно, что класс тут же и немедленно разделил это ее мнение. - Да, это я виновата... Я не готова сейчас ответить на этот вопрос... Если вы мне дадите время обдумать сложившуюся ситуацию, я, возможно, найду ответ. А сейчас давайте закончим урок... * * * О том, как эта история началась, мы узнаем через пару-тройку глав, как и договорились... Но тема в том, что она неожиданно продолжилась во времена «плохой училки». Так наша героиня про себя называла время начала своей педагогической деятельности. В это название целого периода жизни, она вкладывала все возможные смыслы. «Плохой» она была и с точки зрения учеников, и в смысле роли в группе соцсети, и в профессиональном, и метафизическом смысле.После своего первого, еще студенческого опыта, она отказалась от тактики лицеистских вольностей, двойки ставила безжалостно, и поблажек никому не давала. Поэтому «плохая» - было еще мягко сказано. В соцсети она, как уже говорилось, вообще была дама – жесь! В профессиональном смысле - так себя называла она одна, все находили не таким уж плохим начало ее карьеры. «Начало карьеры!» - поднимала она бровь. И это был как раз тот самый метафизический аспект. «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом» В этом смысле Окуджава был плох для педагогики. Вот и она была «плохой учитель» - она не собиралась стать генералом. Она сосчитала года до совершеннолетия сына и попыталась распределить силы. Она, конечно,

сдавала там, на категории, и все как надо, это давало тактические преимущества, и, опять же, довольно существенную прибавку к зарплате. Но в этом не было самоотдачи, там, рвения, служения. И сейчас у нее были все полагающиеся значки и бумажки, но назвать себя педагогом у нее и до сих пор не поднималась рука. И это при том, что совершеннолетие сына стало делом нынешней осени. А она все продолжала учительствовать. И сама этому удивлялась. Парень, который преподавал им педагогику в университете, с некоторой иронией говорил, что в школе тяжело первые шесть лет. Ну, как раз они остались за плечами, и можно было поживать на лаврах. Но как-то не особо почивалось. А тогда, во времена «плохой училки» все было еще напряжнее. И даже совсем не гладко. Вот тогда, как раз, она завела белую страницу на одном скромном сайте. И выкладывала периодически там свои писульки. Белая она была – в альтернативу черной странице «плохой училки». И вот там-то с ней впервые произошло это сумасшествие. Ей показалось, что одного из читателей она знает. Только не знает почему... И это было очень удачное стечение обстоятельств. Потому что ей мучительно не хватало вольницы. В школе. Но найти место, где можно быть молодой и дерзкой – это одно, а найти читателя своей женской и грустной прозы, хоть и сравнительно молодой, но совсем не дерзкой – та еще задача. В коллективе, где все пишут, вероятность быть прочитанной – стремится к нулю. Поэтому тот Некто, Некий Читатель стал для нее таким... Большим Ухом! И она шептала ему всякие глупости, если это можно так назвать. И это оказалось приятным десертом в ее такой глухой и замкнутой жизни. Одно было плохо. Он молчал. Читатель. Молчал. Не писал рецы, тексты, ничего. Ставил лайки. И все. * * * Между тем конфликт с 11 «А» набирал обороты. Если после больницы, после игры в «счастливый конец» на Л.Л. смотрели чуть ли ни с обожанием, то после разбора полетов она попала в зону отчуждения, со статусом «особо опасно!». Такие вещи не проходят даром, и наша героиня это прекрасно осознавала. Но разобраться было необходимо. Потому что она чувствовала себя обманщицей и обманутой. Размолвка приобретала масштабы катастрофические. Ее оставили без цветов на 8 марта, что само по себе не было бы проблемой, если бы не было таким очевидным ультиматумом. Через неделю полкласса проигнорировало дополнительные занятия по подготовке к ЕГЭ. Еще через неделю не пришло уже больше половины. Это было уже в ущерб программе, таких часов было по всем предметам - на вес золота. Времени было жаль. На уроках - прежде активные – отмалчивались, посещаемость и в учебное время упала, домашние работы задвинули. И она положила себе во вторник обязательно поговорить со своими обидчивыми учениками. Вот чем был плох немой читатель. С ним нельзя было поговорить, посоветоваться, обсудить. А так иногда бывало нужно! * * * Он молчал. Читатель. Молчал. Не писал рецы, тексты, ничего. Ставил лайки. И все. Она даже написала сказку, в которой Иван-Царевич приходит в дом, она его кормит, поит и в баньке парит... Спать укладывает... А наутро спрашивает. «Ну, что, мол, будешь разговаривать, или так съем? Чтобы не говорил потом, мол, Бабу Ягу в глаза не видал!» Уж она его и уговаривала, и колдовала «стань передо мной как лист перед травой!» И жаловалась. И Бранилась. Мол, ваш брат – такой-сякой - хитромудрый. Придет, помолчит, тыкву сорвет, аленьких цветов нарежет, яблочков натырит! да и сбежит!.. Да еще бедную бабушку в печку засовывае-е-ет... Нехорошо. Не по-мужски. Пробовала плакаться: «Бабушке, мол, кто яблочко привезет? Хусточку пухову-у-у? позаботится о сиротке? Старенькая она, болеет, да без пенсии, да избушка хромая...» - и сама не заметила, как прочно вписалась в образ Бабы Яги. И все это происходило на фоне вот таких же войн, как сейчас, только с тогдашним десятым «Б». Но как бы ни бранила своего Ивана Царевича – она на него крепко запала. Грустила. Тосковала даже, как будто бы. Она еще и развелась незадолго до этого. Короче, все в кучу. Реальной жизни - не было. Виртуальная была - как в ролевых играх: мужчина одет, а женщина – совсем голая. Она еще пыжилась, пыталась качать права: «если ты, старый хрен, топчешь МОЮ сказку, то, имей в виду! правила здесь назначаю Я! И на твоём птичьём языке здесь даже сова не разговаривает, не то, что Царевна-лягушка. И в этой

сказке фантом – ты!» Но читатель молчал. И она меняла решения. Он продолжал молчать, и она снова бесилась. Он молчал... Он все равно приходил, лайкал, какие-то вещи снова. Читал все. Лайкал новое. Но отмалчивался, гад! * * *- Я долго думала над нашей размолвкой и попрошу у вас внимания на этот урок, если вы сочтете мои аргументы неубедительными, то я не буду в претензии. Я хочу вам прочитать одно стихотворение Феликса Лаубе. Кому-то оно покажется знакомым. «Довоенный вальс» Мирное небо над крепостью Бреста, В тесной квартире счастливые лица. Вальс. Политрук приглашает невесту, Новенький кубик блестит на петлице. А за окном, за окном красота новолуныя, Шепчутся с Бугом плакучие ивы. Год сорок первый, начало июня. Все ещё живы, все ещё живы, Все ещё живы, все, все, все. Смотрит на Невском с афиши Утёсов, В кинотеатрах идёт "Волга, Волга". Снова Кронштадт провожает матросов: Будет учебным поход их недолго. А за кормой, за кормой белой ночи раздумье, Кружатся чайки над Финским заливом. Год сорок первый, начало июня. Все ещё живы, все ещё живы, Все ещё живы, все, все, все. Мимо фасада Большого театра Мчатся на отдых, трезвоня, трамваи. В классах десятых экзамены завтра, Вечный огонь у Кремля не пылает. Всё впереди, всё пока, всё пока накануне... Двадцать рассветов осталось счастливых... Год сорок первый, начало июня. Все ещё живы, все ещё живы, Все ещё живы, все, все, все. Вальс довоенный напомнил о многом, Вальс воскресил дорогие нам лица, С кем нас свела фронтовая дорога, С кем навсегда нам пришлось разлучиться. Годы прошли и опять за окном тихий вечер. Смотрят с портретов друзья молчаливо. В памяти нашей сегодня и вечно Все они живы, все они живы, Все они живы, все, все... В памяти нашей сегодня и вечно Все они живы, все они живы. Все они живы, все, все, все! Почему мне пришли в голову эти стихи. Потому что в них использован тот же прием, которым воспользовались мы с вами, когда начали переписывать классику. Что сделал автор? Он ретроспективно вернулся из послевоенных лет в до-военные. Туда, где еще ничего не случилось. Где все еще живы, счастливы, полны надежд. Казалось бы, ничего особенного. Зарисовки мирной, ничем не примечательной жизни. Но уровень художественности произведения - высочайший! Почему? Потому что между этими зарисовки мирной жизни и людьми, воспринимающими их – пролегла пропасть войны: поражения, потери, утраты, подвиги, победа невыносимой ценой. И люди послевоенные – не равны людям довоенным. Они так пострадали, что совсем по-другому оценивают жизнь: эти мирные картины для них - огромная ценность, а сами себе - довоенные - они кажутся наивными и счастливыми детьми, которые не понимают своего счастья. - У кого-то может быть еще подобные примеры? Неожиданно Суфуев поднял руку, и с места сказал: - «Мы из будущего» - Что это? Класс загудел. Все знали, о чем он... ЛЛ тоже вспомнила. Да, кино - «Мы из будущего». Козловский, Яглыч, эта, как ее, Климова. (Отвязные пацаны, гробокопатели, попадают на Великую Отечественную, а возвращаются оттуда совсем другими людьми). - Да-да-да - отличный пример! Молодец, Ваня, - поднимите руки, кто считает, что мальчишки, в начале фильма отличаются от самих себя в конце?.. Чем? - Они морды бьют скинхедами! - Правильно, только давайте формулировать красиво и по существу. У них появилось знание, что Родина – это то, за что стоит воевать! - Лен.Лексевна, а зачем вы нам все это рассказываете? - спросила Наташа Колбасина, так же с места и исподлобья. - Я поняла вопрос, Наташа... Отвечаю. Какое это отношение имеет к «переписыванию классики»: - Когда мы читали «Грозу» в первый раз, мы все эти события переживали, как участники, вот здесь, - ЛЛ показала на сердце, - поэтому такое тяжелое впечатление производит Кабаниха... И идея переписать текст родилась здесь же, - она снова показала на сердце, - потому что сердце хочет избавиться от страданий, и других избавиться от страданий тоже... (Наташа закрыла лицо руками и беззвучно плакала) ... И способ, который выбрала Наташа - удивительно человечный. Она решила исправить Кабаниху! Этот оплот Темного Царства!.. Это безнадежная и прекрасная миссия была обречена изначально... И попытка – неудачная. И даже слабая... И я ей не помогла, и очень виновата. Прости меня, Наташа... Но, с точки зрения художественного замысла,

эта попытка - шедевр! Человеческая ценность поступка, мотива – достойна стихов Феликса Лаубе. Что касается всей той чехарды, которую вы затеяли вокруг литературы – то это уже совсем другая игра. Когда высокое искусство попадает в руки детям – оно профанируется, не обижайтесь, но такое мое мнение: все это – в основном - плохо, банально, часто просто безвкусно и совершенно не интересно. Есть несколько неплохих попыток. И я потом покажу их вам... Наташа подняла руку.- Да, Наташа, конечно, выйди... Что у нас получилось плохо... Ценность произведения в том, что человек входит в него один, а выходит...? Верно, совершенно другой. Конфликт произведения – обогащает читателя бесценным опытом. И, мы уже говорили, что изъятие конфликта из произведения - портит ИДЕЮ. Мы отменили ОПЫТ, мы отменили КОНФЛИКТ, и отменили ИДЕЮ. Что у нас осталось? Если кто-то объяснит мне, чем может быть ценно произведение из тех, что мы переписали за последние три недели, то сможет не писать сочинение по Островскому. Сама по себе идея неплохая. Вы в целом подошли очень творчески к самой букве Литературы. Это многим дало возможность почувствовать себя авторами, соучастниками творческого процесса. Но главным открытием этой игры, на мой взгляд, оказалось то, что вы все интуитивно чувствуете суть конфликта, и исправления в основном ложились в русло авторской идеи... Вернулась Наташа умытая и успокоенная. И у ЛЛ тоже отлегло от сердца. * * * За эти годы кое-что изменилось в ее отношении к детям. К ученикам. Она поняла для себя одну очень ценную вещь. Дети становятся такими, какими ты им продиктуешь. И в этом не было какого-то приспособленчества, или там чего-то обидного или недостойного высокого звания РЕБЕНОК. Наоборот. Гибкость, подвижность и мгновенная мимикрия детей – и есть их гениальность, но и самый большой минус – они повторяют все, за что цепляются. И хорошее, и плохое. Если бы их лепили гении – мы бы уже через поколение жили в стране гениев. Проблема в лепщиках. Им просто никто не диктует ничего хорошего! Старые педагоги пользуются советскими штампами, молодые - сами ждут, когда им продиктуют. Но кроме их пластичности она сделала еще одно – самое удивительное открытие. РЕБЕНОК хочет быть Прекрасным. Если бы ему еще не мешали! Так просто изменить мир к лучшему – достаточно вырастить поколение достойных учителей. Всего одно. Десять лет. Через десять лет Наташа Колбасина может стать блестящим молодым педагогом. Если захочет, конечно...

Глава 3.

Апрель.

Главная примета Питера в апреле - парки закрывают на просушку. Это так провинциально. В хорошем смысле слова. Гости? - ниче не знаю! - дорожки сохнут, скамейки красим, сажаем рассаду - приходите завтра! Что? вот и приезжайте в мае.

В апреле все сосредоточено на просушке парков, даже солнце подходит к этому с особой ответственностью. Оно так слепит глаза, так греет спину, так освещает мир, пускает зайчиков, играет тенями, будто извиняется за чрезмерно радивых служащих. Глядя через ограду на надутых гостей, обреченно вздыхают старые липы, их артритные пальцы в апреле мучительно очевидны, или особенно выразительны, как кому.

Совсем недавно покрытые льдом каналы заметно раздаются в ширину. И текучая, наконец, текучая вода, втискивается в безупречные линии гранитных набережных, завершая задуманную картину строгости и полноты.

И пыль. В апреле в Питере очень пыльно. Стоит походить по городу один день, и обувь покрывается недельным слоем пыли. Собственно, даже не недельным, а зимним. Снег стаял, а пыль - осталась. Где-нибудь к субботнику все отмоют и выметут.

О! Это такое зрелище! Колонны поливальных машин, букашки тракторов по периметру. Великолепные узбеки в оранжевых жилетах, и неизменный молчаливый прораб. На лицах прохожих любопытство и одобрение! Но это еще не скоро!

А пока еще так холодно! как только солнце исчезает, возвращается зима, все натягивают береты, капюшоны, завязывают поплотнее шарфы, ссутуливаются и спешат укрыться в метро, или в транспорте, куда там кому.

И только гости города продолжают свой распланированный с утра маршрут. Это делает праздность нашей героини неуместной.

Она потуже затягивает свой посадский платок и прячется в троллейбус... Она сама виновата. Это же она придумала такой дурацкий способ коммуникации. Вернее, подтолкнула к нему читателя...

* * * С десятым они перешли к Чернышевскому. Она любила. И пока не начала преподавать, даже не подозревала, насколько сильно повлияла на нее эта вещь. Насколько - вся! - она выросла из этого романа. И подруги. И друзья. И знакомые. И старше, и младше. И каждый раз теперь, когда проходили - залипала! Не могла оторваться - читала за ужином, за обедом, за завтраком, в автобусе, в метро. И дома. И все вспоминала свое школьное впечатление: что художественно - вещь бедненькая. Идеи – да, и все такое, а так – нэт! С чего взяла? И каждый раз заново удивлялась! Сколько чудесных находок: лирические отступления! Похвальное слово Марье Алексевне, проницательный читатель, сны Веры Павловны, новые люди, Рахметов – особенный человек. И с педагогической точки зрения, как все грамотно! структурировано все так умно, и повторы такие правильные, и разрывы в повествовании такие уместные. Столько уважухи к читателю, столько иронии, столько игры. Все стереотипы ломает, все загадки выкладывает, еще раньше, чем заинтриговал. И в названиях глав столько интриги и иронии: Дурак... Первая любовь и законный брак... Замужество и вторая любовь... Второе замужество. Но интригует же! Ну, эти «мой друг», «Друг мой!», «миленький» - ее и тогда бесили. А сейчас она уже понимала, что тогда - да – так говорили, и в этом, видимо, было столько игривости, и персонажам, обоим так нравилось в эту игру играть. Ну, ладно, чего уж, не так и страшно. Она даже стала говорить на их манер. И в этих размышлениях героев столько разумного эгоизма. В который она когда-то влюбилась, и влияние которого на свою жизнь расхлебывала много лет, и опять наступала на те же грабли. Ведь это он, гад, Чернышевский, сделал из нее Лопухина и Кирсанова в одном лице. Не Верочку! Хотя, конечно, и Верочку, но меньше, реальность не располагает. Очаровательная девушка! Грузинка! Почему она запомнилась ей светло-русой? И этот подвал. И это волшебное избавление! А она так и лепила из себя бесприданницу, как по книжке, запрограммировала. А тогда, в школе, ведь страдать стала в своем доме, начала ждать этого счастливого выхода из своих сложных обстоятельств с матерью. И все это так обаятельно! И такие бескорыстные мужчины, такие знакомые вопросы, и такие нестандартные решения! А этот их невозможный «теоретический разговор»! Она ведь сама так шифрует всю жизнь, не зная, забыв наглухо, откуда ноги. Сейчас было видно, сколько в этом прекраснородного мечтательства! Идеализма, никак не объясняемого естествознанием. Наивного и деятельного оптимизма, бессмысленного с точки зрения выгоды. В особо узких местах она с трудом протискивала свой мрачный широкоплечий пессимизм. По-стариковски сердилась на детский энтузиазм. Но как ребенок наслаждалась этой сказочной верой в Прекрасное Завтра. Откуда в этих неверующих людях очевидно христианский императив: «положи жизнь за други своя», да так, чтобы правая рука не знала, че творит левая. Героические усилия молодых атеистов, выросших в воцерковленной стране, впитавших христианство с молоком матери, придумать какое-то другое обоснование своему человеколюбию. Объяснить невыгодные сделки «личной какой-то выгодой». Это притянутое за уши своекорыстие! И она все пыталась, и никак не могла понять механику этого чернышевского обаяния. Ведь с ума свел целое поколение! Практически всю образованную часть страны. Что в этом такого невозможно притягательного? Почему после Чернышевского всегда так хочется счастья. Так в него верится. Она отвлеклась от планов уроков и влезла в интернет. * * * Читатель молчал... У них сложились оч-чень высокие отно-

шения... Она меняла решения, потом опять бесилась... Потом писала какой-нибудь жалобный текст... Снова бесилась... Выключалась из проекта. Иногда надолго... На год, например. А потом обнаруживала, что он все равно приходит, лайкает какие-то старые вещи. Она снова писала. Он читал все. Лайкал новое. Но отмалчивался, гад! В какой-то момент она написала ему как бы письмо. Мол, не хочет понимать! Мол, хорошо знает..., помнит... И помнит, что гений. И в каком-то смысле ученица... И не сможет, как он. Но и он не сможет, как она! «... Потому что я – глубже, а ты – актуальнее, и здесь нам делить нечего...» А как человека – не знает, не узнает, разочаровывается. Злит. И ей нужен реальный человек. А ему – нет. И с реальным человеком может сложиться дружба, а может – и нет. Что в реале все жестче, и правдивее. Приди – и поговорим. И сразу станет понятно, любовь или ботва. А то вдруг окажется, что просто позер, так и время тратить не стоит. Он отмолчался, как всегда. Она написала еще одну яростную записку: «... может ему просто хочется, чтобы за ним бегали? Он-то ни за кем не побежал? нигде не подставился! ничем не рискнул! ни для кого! Может, он ждет, чтобы его попросили, а он – отказал. Чтобы ему позвонили, а он – не ответил. Чтобы ему назначили свидание, а он – не пришел? А может, хочет позволить, повторяю, позволить! кому-нибудь себя спасти!.. Не, я не боюсь. Я бы смогла. Я бы попросила, и позвонила, и назначила. Я всегда так и делаю... Но я! не хочу!.. Потому что я, на минуточку, не кто-нибудь!» И в этой записке задала, наконец, главный вопрос. «Существует ли он сам? здесь в реале такой, какой пишет...», писал, «какого я читала, и... любила, чего там...» «Пишет?» – спросите вы, и будете правы – «А что, он пишет?» Ну, откроем вам секрет, наша героиня потому так и запала на эту сомнительную связь, что подумала, на одного своего старого знакомого, который! очень! классно! писал сам! * * * Если взять весь 19 век, То его можно разделить на 2 половины. Первая половина – гиганты русской литературы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Золотой век. Чуть раньше них – Батюшков и Карамзин. Чуть позже – Жуковский и Вяземский. А вторую половину нужно поделить еще пополам: Первая из них (третья четверть) Это литература революционного романтизма: Чернышевский. Белинский. Чаадаев. Огарев. Герцен. Некрасов. Тургенев. А вторая половина (последняя четверть) – то, что из этого получилось. Это натуральная школа, критический реализм. Маленький человек. Все вышли из шинели Гоголя. Достоевский, Лесков, Куприн, Салтыков-Щедрин, Гончаров. Тургенев. Островский, но он особая статья, он драматург. А лучшее во второй половине 19 века, написано в третьей четверти, революционерами. До реализма. И все это выросло из Чернышевского. Не только из романа. Хотя мы его знаем таким, только таким. А Маркс с Энгельсом – люди авторитетные в те времена, и позже, специально выучили русский, чтобы читать наших, и Чернышевского, в том числе, и считали его блестящим экономистом и социологом, а Белинского и Добролюбова – публицистами и литературными критиками, каких не дала в те времена миру ни Франция, ни Германия. «Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-то породила такого пройдоху, как Бакунин...» (Ф. Энгельс) «...и среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и высокой энергии, людей, которые благодаря своему знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран, а немцев — светской гибкостью. Они... понимают рабочее движение и сами в нем участвуют» (Ф. Энгельс) «...Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой» (К. Маркс) Прикольно выглядят цитаты из Маркса, правда? Но если сдуть с них пыль академической науки, и изложить хотя бы и не очень художественным чернышевским слогом, то получилась бы история большой человеческой верности и дружбы, с большой буквы Д, самоотверженного служения Великой Идее, созидание этой Великой Идеи, история любви к Человеку, уважения к его достоинству, попытка простроить для него Новое, светлое Завтра. Коммунизм

– тире – утопизм. Маркс и Энгельс сами большие революционные романтики. В этом было кроме революционной мысли так много чувства. Потому марксизмом переболела вся Европа. Это было покруче, чем фашизм. По влиянию на умы и судьбы, и людские и целых стран. Чернышевский вообще весь вырос из марксизма, из того чувства, которое так воодушевляло и вдохновляло их поколение. А только после них и читать-то больше никого не хочется. Особенно тех, что пришли им на смену. Вроде и не виноваты, и время пришло другое. И разочарование – удел наследников любой революции, и правдивы они, и за народ ратуют, и пороки обличают. А тошнит! Насобирали галерею висельников, убийц, пьяниц, воров, проституток, моральных уродов и нравственных кастратов! То, что у Чернышевского было счастливой хоть и утопичной попыткой преобразования гадкой действительности - у Куприна превратилось в то, что было в реале - в помойную связь озабоченного студентика и проститутки. То, что у Чернышевского было Кирсанов – самоотверженный служитель науки, успешный медик, человек, умеющий побороть страсть, приспособиться к любым жизненным обстоятельствам, счастливый в браке мужчина, добрый друг, у Тургенева стало - Евгений Базаров - неудачник, спесивец, неряха, циник, нищий, да еще и умер! У Чернышевского весь роман о любви. Весь из психологических зарисовок красивых движений души. У Достоевского – кровь, искушения, слезы, предательства, унижения, горе, мука, тоска и страдание. У Чернышевского один любящий человек, берет за руку другого, беспомощного, и выводит на свет из подвала. У Лескова - любящий убивает, душит, травит посторонних и невинных ради страсти, ради обладания, чтобы самому, в свою очередь, оказаться преданным и погубленным. Зачем? Нет, понятно, исторически понятно. Непонятно, зачем мне их читать? Не хочу! Не буду! Ну, я-то еще может быть и буду. Если мне придется - по работе, и все такое, но мои ученики! Есть «Игра Престолов» - попробуйте посоперничать! Эти сказки, кстати, восполняют молодому поколению недостаток эпичности в реальной жизни. И не факт, что они в художественном смысле уступают Куприну, или Лескову. Если бы ее ученики слышали такие речи, они бы решили, что училка сошла с ума. Она выбирает из одних скучных – других еще более скучных, и так горячится! Но то, что она мучительно искала в литературе, да и в жизни прекрасноту Чернышевского и Белинского, не подлежало никакому сомнению! И она становилась нетерпима к реалистам просто до склочности, что в ее профессии было, конечно, недопустимо. Пристрастность! Но мы ведь не ее ученики, верно? И не нам обманываться ее учительским статусом. Потому что учитель - прежде всего человек, особенно наша героиня, и в любую инфу вкладывает прежде всего себя, свое существо, свое представление об искусстве, свою страсть, свое видение и свои предубеждения.

О САТИСФАКЦИИ.

У меня был один знакомый давным-давно, и он говорил, что женщины похожи на снайперов. Что они никогда не ввязываются в ближний бой, никогда не рискуют сами, а достают свои цели издалека. Из безопасного далека.

Ну, что ж, про снайперов, наверное, согласна. Еще бы сказала в дополнение, что они избавлены от зрелища разорванных аорт, вскрытых внутренностей и мозгов. Потому что, убивая ножом или там штыком, ты не можешь сделать вид, что ты здесь ни при чем. Потому что убийство - есть убийство. Снайпер же видит только, что попал.

А с чего я вдруг вспомнила об этом?

А да, один читатель исходил за праздники мою страницу. Это типа снег под окнами утоптан, и «одинокая бродит гармонь». И я поймала себя на том, что попадаю в зависимость от его присутствия. С замиранием сердца открываю свою страницу, приходил ли? И что читал? И читал ли он это в первый раз, или снова? И читал ли он то, что я писала для него? И еще, как дура, по три раза на дню хожу в почту, вдруг написал?

Потому что я знаю этого читателя. Давно. И половину своих писем написала для него.

Я, правда, знала его не в качестве читателя. И тогда он мне нравился значительно больше. Тогда он был живым, остроумным, изобретательным, красноречивым, ну, добрым он и тогда не был, но с ним можно было и в итыковую, и в ближний бой. Так мне казалось.

А сейчас я перестала понимать его знаки.

Если он пытается меня подбодрить, демонстрирую читательский интерес к моему творчеству, то должен бы был понять, что на моей странице нет художественных произведений. Одни только письма.

Если это ответ на мое письмо о беспомощности, то такого ответа мне мало. Помощь нужна мне, реальной, от реального же человека. Что-то такое серьезное, типа там, поцелуй прекрасного принца. А мой автор - существо довольно бесстрастное, он – только секретарь, ему не нужна помощь.

Если его нужно понимать, как «ай соу элон», то это самый нечестный способ сыграть в «родство по одиночеству». Это такая сильная карта, почти что джокер. Но случай не тот. Потому что я из своего одиночества проблемы не делаю. Для меня проблема в другом: я не вижу никого, с кем бы захотелось его разделить.

Но я боюсь, что есть повод и похуже. Соблазн манипулятора. Развести на чувства, стянуть на себя одеяло, потешить свое мужское самолюбие, чтобы потом в очередной раз красиво уйти. Ничем не рискуя, отряхнуть колени. И все это из снайперского далека.

Дорогой друг, это было бы очень обидно, потому что «не с вашим сердцем и умом...»

В принципе, я ничего не скрываю. Конечно, чувства. И конечно, я попала. Вернее, он попал. Ровно туда, куда целился. Я и не защищаюсь. Да, я и не стыжусь давно таких чувств. Это такой эксклюзив! Только одно: мне не нравится быть мишенью! Даже два: я не хочу делать арену битв из своего сердца. Любовь- это не битва, на мой взгляд, а совсем наоборот.

Но если уж это битва, то я бьюсь только в ближнем бою, и только с открытым забралом, когда могу видеть глаза врага, соперника, или партнера. А это уже как мазь ложится. (ЛЛ)

*** Но вернемся к Чернышевскому. Достоевский, Лесков, Тургенев считали роман произведением слабым в художественном смысле. И это мнение транслируют педагоги на свой вкус и на свое усмотрение. В школьной традиции нет жестких рамок по этому вопросу. На мое усмотрение - роман блестящий! Чтобы понять художественно ли произведение нужно определиться с критериями художественности. Хороший слог? Архитектура текста? Занимательность? Сюжет? Система образов? Темы? Идея? Проблематика? След в культуре? Есть такая идеальная формула культуры: вы когда-то что-то учили, читали, обсуждали, а потом выросли - и все забыли, то, что осталось – это и есть культура. Так вот, Чернышевский остался. Покопайтесь в себе – без труда найдете. Оценивать действительный уровень художественности произведений Чернышевского следует в соответствии с его собственными представлениями об эстетике. В 1855 году вышла его диссертация "Эстетические отношения к действительности" Наделала много шуму, и взбудоражила умы всего студенчества, и всей читающей публики. «Поднимите руки, кто не пользуется интернетом?» – вот – настолько же читающая была публика в те времена. И все читали. Это было дерзко, революционно, это было в стиле эпохи! Я уже говорила, что 19 век был веком естествознания: развивались науки, медицина, искусство, музыка, строились заводы, мосты, железные дороги, паровозы. Все проверялось опытным путем, все требовало доказательности. Чернышевский переносил это и на эстетику и предлагал отменить абстрактное определение прекрасного. "Прекрасное - есть жизнь" "Уважение к действительной жизни, — говорит Ч., — недоверчивость к а-при-ори-чес-ким (принимаемым бездоказательно), хотя бы и приятным для фантазии, гипотезам — вот характер направления, господствующего ныне в науке» "Существенное значение искусства — воспроизведение того, чем человек интересуется в действительности... Поэт или художник, не может,

если бы и хотел, отказаться от произнесения своего приговора над изображаемыми явлениями; приговор этот - вот новое значение произведений искусства, поэтому искусство становится в число нравственных деятельностей человека» «В действительной жизни - все верно, нет недосмотров, нет односторонней узости взгляда, которой страждет всякое человеческое произведение, — как поучение, как наука, жизнь полнее, правдивее, даже художественнее всех творений ученых и поэтов. Но жизнь не думает объяснять нам своих явлений, не заботится о выводе аксиом; в произведениях науки и искусства это сделано; правда, выводы неполны, мысли односторонни в сравнении с тем, что представляет жизнь; но их извлекли для нас гениальные люди; без их помощи наши выводы были бы еще одностороннее, еще беднее. Наука и искусство – ИНСТРУКЦИИ для начинающего изучать жизнь; их значение ПРИГОТОВИТЬ к чтению источников и потом от времени до времени СЛУЖИТЬ ДЛЯ СПРАВОК. Наука не думает скрывать этого; не думают скрывать этого и поэты в беглых замечаниях о сущности своих произведений; одна эстетика продолжает утверждать, что искусство выше жизни и действительности""Искусство относится к жизни, как и история; только история говорит о жизни человечества, искусство — о жизни человека, история — о жизни общественной, искусство — о жизни индивидуальной. Первая задача истории ВОСПРОИЗВЕСТИ жизнь; вторая, исполняемая не всеми историками, — ОБЪЯСНИТЬ ее; не заботясь о второй задаче, историк остается простым летописцем, и его произведение только МАТЕРИАЛ для настоящего историка или чтение для УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЛЮБОПЫТСТВА; думая о второй задаче, историк становится МЫСЛИТЕЛЕМ, и его творение приобретает через это научное достоинство. Совершенно то же самое надо сказать об искусстве". Итак, нам говорят: «Что делать?» - утопия. «Да - говорит автор, - произведения могут не соответствовать действительности — но только по форме, по содержанию вопросов, предлагающихся или разрешаемых искусством, они правдивее реальности». Нам говорят: в романе мало художественности. «Да – говорит автор, - той художественности, о которой говорите вы - мало... Красивостей мало. Но могут ли красивые быть самоцелью? Если искусство «... живой приговор о явлениях, интересующих его, человека, художника...», если он ставит и решает вопросы, интересующие его современников, «... потому что мыслящий человек не может мыслить над ничтожными вопросами...» «Бывают люди, у которых суждения слабы и обнаруживают расположение к известным сторонам действительности и избегают других..., их произведения не имеют другого значения, кроме воспроизведения любимых им сторон жизни» Если это считать художественностью, тогда стоит ли она разговоров? «Но если у человека... ум и художнический талант,... то в его произведениях, сознательно или бессознательно, выразится этот приговор действительности, его произведения станут, сочинениями на темы, предлагаемые жизнью... Тогда художник становится мыслителем, и произведение искусства, оставаясь в области искусства, приобретает значение научное» Если оценивать художественность со старых трансцендентальных позиций. То с точки зрения художественного слога, лучший - Фет, с точки зрения архитектуры – Тургенев, в образности – Лесков, в идейном смысле – Достоевский. Но если считать художественностью то, что считал художественностью Чернышевский: приговор действительности, постановка диагноза, назначения, лечение, и профилактика, - Он лучший! А след, оставленный им в культуре в целом, и в каждом человеке в частности, значит вообще только одно: Чернышевский – флагман своей эпохи! * * * - Ваня, иди сюда!- Мама, не сейчас?- Сейчас.- Нет.- Ваня, ты как отец становишься!- Нет.- Он тебя убьет!- Нет!- Или ее.- Пусть попробует!- Куда пойдем? – спросила она, когда он вышел из подъезда. Разговор с матерью оказался недлинным, но емким, и однозначным, судя по выражению его лица. Вопрос он проигнорил, обнял ее так, что она оказалась у него под мышкой.- У тебя рукав порванный... - Это мамка... - Че? не пускала? Он снова проигнорил вопрос.- Надо придумать, куда бы вписаться, - сказал как бы сам себе.- Да, ладно! Че, правда?- Я не вернусь!- Вань, объясни хоть, че случилось?- «Я в его доме живу!» Так я не буду! Пусть сам живет в своем доме!- Обалдеть! А я тебе говорила, кто-нибудь вой-

дет!- Вика, не беси меня! Я думаю...- Пошли ко мне.- Не...- Ну, я тоже не уверена, что нас пустят вдвоем... Ну, когда-то же надо попробовать...- Не...- Вань, че как дурак?- Вика, не беси меня, я думаю...- Да я уйду в армию, да и все! – время от времени выдавал Ваня, пока они шли к Муринскому ручью.- А я? – спрашивала Вика, легко, впрочем, поспевая за его широким шагом. Ростом они были почти ровень. Он обнял ее и ненадолго вернулся в «здесь и сейчас»:- Пошли че-нибудь съедим? Она молча перестроилась на другой шаг.

О БЕСПОМОЩНОСТИ.

Обычно это слово употребляют по отношению к людям неприспособленным, слабым, ничего не умеющим делать, нуждающимся в помощи.

Но если вдуматься в смысл, бес-помощный - это значит, «не имеющий» помощи. Совсем не обязательно он должен быть слабым и неприспособленным неумейкой. Он может быть даже сильным и самостоятельным, и даже основную часть жизни в помощи не нуждающимся.

Но иногда и такой человек может оказаться беспомощным в прямом смысле этого слова. И проблема такого человека в том, что он, в сущности, не умеет быть беспомощным? В привычном смысле слова.

Такой человек привык обходиться без помощи, он не знает, как ее получить, как ее попросить, у кого, и какую именно. И, более того, он не уверен, что если попросить, ее окажут. А скорее даже уверен, что не окажут.

Опыт. Опыт убеждает.

Есть и были люди, которые оказывали, и окажут. И напоят, и накормят, и спать уложат. А спросят только наутро. Но что им ответит наутро беспомощный человек? У них самих куча забот. И куча беспомощных, которые уже попросили. Да и потом, не знает человек, чего попросить. Денег? Приюта? Тепла? Участия? Ремонта? Нового платья? Хлеба? Разве зрелищ. Потому что все остальное, в принципе, по минимуму - у него есть. Ровно настолько, чтобы не нуждаться и не просить. Да, наверное, даже немножко больше, чем по минимуму. Поэтому, попросить нечего. Да и не ждет от них беспомощный человек «того, не знаю чего, оттуда, не знаю откуда»

Они - скромные, эти люди. Они не претендуют на твою внутреннюю жизнь. Они занимают свое место, иногда совсем на периферии твоего внутреннего мира, иногда в центре. Их номера всегда становятся любимыми, иногда даже рабочие.

Но это ничего не меняет в их скромности. Они существуют с тобой рядом, бок о бок, не вторгаясь, не посягая, не претендуя. Устраивают разносы, пишут служебные записки, платят денег, водят в кино за компанию, или в рестораны на корпоративы, или дают приют, или займы, или бранятся, но организуют переезды тебя или твоих вещей. Ходят с тобой по театрам, зовут на юг, покупают игрушки твоему ребенку, передают приветы маме.

Они не знают, какую пропасть ты таскаешь в своем рюкзаке, относятся к тебе как к нормальному человеку, и этим делают тебя нормальным человеком. С конкретным размером ноги, должностными инструкциями, бюджетом, адресом, семейным положением, планами на выходные. Их неназойливое присутствие в твоей жизни и делает тебя реальным. Сюжетным. Объективным.

Ведь если считать жизнь художественным произведением, то судьба в нем – сюжет (то, что объективно, видно снаружи). А все остальное – фабула, «то, что человек почувствовал в этой связи»: что читал, кого любил, с кем говорил ночь напролет двадцать лет назад, с кем расстался, под чьими окнами стоял, кому не родил, кого больше никогда не видел)

Человек не исчерпывается своей судьбой. Человек еще и пять несостоявшихся судеб. Или десять. О которых не знает никто, кроме него.

И все эти десять судеб (или пять) он таскает в своем рюкзаке. И с ними ничего нельзя сделать. Их нельзя перекроить, как платья, потому что материи нет. Их нельзя выбросить - нечего выбрасывать. Нельзя продать – это ничего не стоит. Нельзя откупиться, послать на... И у

ж, конечно, ни о чем нельзя попросить. Особенно беспомощному человеку.

Их помощь могла бы изменить жизнь, изменить судьбу. Они – особенные. Где-то даже всемогущие. В твоём рюкзаке – они главные. И всегда ими были. Они – не скромные. Да просто борзые! Они рвут на части судьбы, в которых даже не поучаствовали. Как раз поэтому помощи у них попросить нельзя. Невозможно. Они уже отказывали. Раз не состоялись.

И значит, у них были причины не участвовать в твоей судьбе. Не становится любимыми в списке номеров, сослуживцами, близкими родственниками, партнерами по сексу или по бизнесу, приятелями, знакомыми. Их не было. Наяву. В судьбе. В сюжете. В реале. Их не было.

Зато они истоптали всю спину и испортили весь рюкзак... Бахвалятся своими состоявшимися судьбами. Демонстрируют

свою успешность..., или независимость. Диктуют свои правила игры, которые беспомощному человеку, конечно, не подходят. Ну, и торжествуют, разумеется.

И... вполне нормальный, здоровый, сильный человек, человек дела, человек слова смысляет свою жизнь в унитазах. Без посторонней помощи. Беспомощно. То есть вполне самостоятельно.

Вот такая ботва.

Можно, конечно, просто позвонить, просто написать, просто встретиться. Но ответят

- Не Те. И предложат - Не То. И поведут - Не Туда. Это уже было.

Тогда зачем?

Затем, что жизнь уходит в унитазах!

Уважаемые жители рюкзака, вашему беспомощному человеку срочно нужна помощь!

(ЛЛ)

* * *Вика позвонила среди ночи, сын недовольно повертелся в своей постели и опять засопел. ЛЛ вышла на кухню: «Что случилось?» Слезы, сопли, остальное невнятно... Через пять минут начало проясняться. Вике приспичило замуж, она уволилась, поссорилась со своей мамой, с его мамой, уговаривает мальчика убежать, а он не соглашается... «Ты предлагаешь мне его уговорить?» «Нет, просто скажите им... у нас любовь, вы же знаете...» ЛЛ посмотрела на часы, половина третьего.- Вика, на дворе - ночь, если хочешь, завтра (мысленно она открыла дневник) в три часа дня в «Сладкоежке» напротив Ваниной школы, и только потому, что я не хочу говорить «нет» по телефону. Она все-таки пришла, надутая и независимая. Не нужно говорить, что остаток ночи ЛЛ не спала. Каждый раз, вступая в близкий контакт с учеником, рискуешь нарваться потом на вот такое «доверие». Хотя Вика ведь не ученица. Ваня! Она для них все равно учительница – требуют какого-то запредельного уровня понимания! Ученица сложила ручки, «как правильно». Учительница – сцепила в замок. Какое-то время каждая ждала, что начнет другая... Учительница начала первая:- У тебя есть аттестат? - Пфф!- А у него – нет.....- А у тебя есть диплом?- Какой диплом?- Ну, хоть какой-нибудь?- А при чем тут...?- А у него - может быть! У него светлая голова... И куда вы пойдете? Где будете жить? На что? Что будете делать через год? А через пять, когда пойдут дети?.. Ты не беременная?- Да, нет...- Тем более... Что за спешка?.. Ты ломаешь ему жизнь, ссоришь с родными, обрекаешь на тупые и тяжелые деньги, он сейчас просто не может зарабатывать достойными способами. Куда он пойдет? В Макдональдс? Грузчиком? На завод? А у него мозги – как у Эйнштейна. Ему учиться надо. Он вас должен будет всю жизнь кормить?- Кого?- Вас, семью. Или ты не собираешься заводить детей?Вика горестно опустила плечи, и воинственный огонь в ее глазах, наконец, поугас:- Нас выгнали его родители.- За что?Вика молча поки-

вала.- ...Ты сама говорила, что они мусульмане, и у них - не принято, нельзя!- Это все Ваня, он первый начал...- Какая теперь разница... И что? - Отец сказал - только через его труп...- Ну, прекрасно понимаю. И что?- Я ему говорю, давай уедем, и будем сами...- А он?- Он не хочет... Говорит, что школу, и в институт, и надо подождать... Да тоже что и вы! – выкрикнула она и залилась слезами. В это время в дверях появился Ваня Суфуев, и, судя по выражению лица, присутствие ЛЛ было для него полной неожиданностью. Это отчасти смирило саму ЛЛ с мизансценой, которую так нелепо скроило разбитое сердце и коварная бабская натура девочки. Она приглашающе махнула рукой мальчику и убрала портфель на другой стул. Ваня подошел и сел. Танец с булочками повторился: Вика сложила ручки, «как правильно», ЛЛ сцепила в замок, Ваня забарабанил пальцами сложный рисунок. Похоже, учительнице снова нужно было вступать первой.- Вам нужно разойтись, - сказала она, глядя через голову Вики в окно. Дробь прекратилась, «правильные ручки» сползли под стол, -... хотя бы временно... Пока Ваня не сдаст экзамены. Апрель, май, июнь, июль - четыре месяца... Потом рекомендовала бы вам поступить куда-нибудь в одно место... У меня были знакомые, которые жили вместе в студенческой общаге, на одной койке, с первого курса. Мальчик поступил, а девочка к нему сбежала из дому, из Чимкента. Они потом поженились. У них трое детей. Прекрасная семья. Дети переглянулись.- Или вы чего-то другого от меня ждали? – обратилась она к Вике. Судя по выражению лица, она действительно ждала другого. - Вика, я – учитель... твоего парня... Не психотерапевт, не нянька, и не мамка... Даже если бы хотела – это было бы бестактно..., безнравственно... и непрофессионально. У меня нет никаких прав выставлять оценки вашим родителям. Они взрослые настолько, что у них выросли дети, и они за вас отвечают много лет. И, судя о тому, как вы выглядите..., они сильно тратятся... на любовь к вам... И вы не понимаете их любви..., только потому что ослепли... от своей. Причины, по которым вас не одобряют родители, я не одобряю ровно настолько же. Я тоже родитель, и у меня сын – старше Вани, и моложе тебя... Если Ваня так подставляет тебя перед своими родителями – это вопрос к Ване, а не к родителям. Если у тебя Ваня, нет далеко идущих планов на Вику, и ты, с нашей стариковской точки зрения, обесчестил ее в глазах своих родителей, то, как порядочный человек, ты должен жениться. Или Вика, как женщина с достоинством, должна тебя бросить... Это ваша проблема... Не моя, не ваших мам и пап.- Да нас не расписывают, - буркнул Ваня... ЛЛ на минуту зависла, разглядывая серебряное колечко на его безымянном пальце. У Вики оказалось такое же.- Почему?- Мне нет восемнадцати... или просят справку, что она беременная.- Аха, понятно... А когда у тебя День Рождения?- В октябре.- У-у-у... И что, прям вот так и не можете, друг без друга?- Я-то могу, Вика не может... - он взял девочку за руку.- Не могу-у-у...- Вика вцепилась в его пальцы обеими своими руками, глаза у нее снова подозрительно заблестели.- У-ффф! А я-то что могу сделать? – ЛЛ совершенно растерялась.- Поговорите с моей мамой, - сказала Вика.- И что я ей скажу?- Ну, что у нас любовь, и мы поженимся, в октябре, и что никакой он не моджахед!- И почему ты думаешь, что она мне поверит?- Ну, вы же учитель.- А ты – любимая дочь!- Я – маленькая!- А я – чужая!.. И потом ты предлагаешь мне разделить ответственность...- Не-ет!- Да!.. Для твоей мамы я должна стать гарантом того, что ваша любовь... не кончится до октября..., и дольше, что Ваня окажется таким, каким ты его представляешь, что он не предаст... тебя..., вашу любовь..., ваше будущее... А я ведь этого не знаю. Это только он может гарантировать сам, и то, с какой долей вероятности?- То есть вы думаете, что я сам должен поговорить с ее мамой?- Ванечка, я не знаю, я еще не успела подумать, но идея хорошая. Попробуйте... только уж не позорьтесь там, если вам разрешат... * * * Вчера он сделал ей предложение. Ей даже страшно было в это поверить... Просто набрал «выходи за меня» в комментариях под текстом своего имени:А в следующем комментарии вставил ее же слова из другого текста:«Спорить о том, роскошь лепнина, или необходимость – не приходится. Конечно, роскошь. Если семьдесят лет миллионы наших граждан обходились без лепнины, значит, это роскошь. Но, тут такой момент: миллионы наших граждан семьдесят лет

обходились и без туалетной бумаги. Да и потом, какое нам дело до миллионов граждан. Мы ведь не коммунизм строим, правда? Просто дом. Свой. Собственный» Она перестала дышать и закрыла страницу... Подождала, когда уймется сердцебиение... И снова вошла. За это время он написал «выходи за меня» еще под одним ее текстом.

А это были и совсем старые стихи, из прошлого тысячелетия. И предысторию этих стихов знали всего два человека. Ошибиться было просто невозможно. Весь день она ходила, как засватанная, ну, собственно, именно, как засватанная. Дышала этим апрельским холодным счастьем. Ощущала себя невестой. И совсем, как Ваня с Викторией придумывала бытовые детали будущего счастья. Адресат ждал ответа. И она написала: «... Все это, конечно, похоже на плод воспаленного воображения. Но если это не так, то мой ответ - да, конечно, да. Хотя я смутно представляю себе, как это можно сделать. Но если это очередная провокация, тебе этого даже Алёнушка не простит...» Не трудно догадаться, что в комментариях он опять ее цитировал: «... Я и не защищаюсь. Да, я и не стыжусь давно таких чувств. Это такой эксклюзив! Только одно: мне не нравится быть мишенью! Даже два: я не хочу делать арену битв из своего сердца. Любовь - это не битва, на мой взгляд, а совсем наоборот» И она написала: «... конечно, нет, и не мишень и не арена. Просто..., а ты не можешь мне черкнуть строчку, типа тук-тук, чтобы я знала, что это не моя мистификация? и... и никогда не думала, что этот стих может настолько оптимистично звучать. Спсб...» У нее были дела в городе, и она бродила целый день по пыльному весеннему Питеру, такому некрасивому в апреле, как пациент, только что выписанный из больницы. И все крутила и крутила в мозгу один и тот же стих Беранже: Господа, если к правде святой Мир дороги найти не сумеет, Честь безумцу, который навеет, Человечеству сон золотой! Почему именно этот? Да фиг знает. Перейдя на страницу, с которой были отправлены комменты, она увидела совсем не то, что ожидала. Страница была пустая. Только имя Л.К. И все. * * * Дома она вернулась к Чернышевскому, которого кропотливо изучала последние три недели. Как же он, вот такими простыми словами, простеньким сюжетиком, схематической системой образов, ну, такой хитровой структурой текста, (да и тоже ничего особенного) свел с ума поколение блестяще образованных русских, с передовой литературой, с плеядой мастеров слова, какая не снилась Европе, с искушенной литературной критикой, богатейшим философским наследием. С ее бабской точки зрения получалось, что, он подарил своим читателям надежду, что все может быть иначе. Лучше. Счастливее. Радостнее. Чище. Достоянее. Умнее. Благороднее. Искреннее. Добрее. Человечнее... Других секретов там не было.

Глава 4.

Субботник.

«Газеты пишут о весне с такой гордостью, будто сами же ее и устраивают. Восторги по поводу весны кажутся и вовсе непонятными, если принять во внимание отдаленность современного человека от сезонных изменений. Никак не трогает нас созревание хлебов, облетание листьев, наступление холодов. Но влияние весны неоспоримо. И правы были наши предки, отмечаая начало нового календарного периода весной.

Тринадцатилетняя девчонка думает, что надеть вместо зимнего пальто, и вдруг понимает, что прошлогоднее полудетское платье уже никак. А в то же самое время пятнадцатилетний пацан не может совладать с сутолокой непонятных мыслей, которых год назад и в помине не было. Вместе со светлыми вечерами приходит предчувствие любви и готовность к ней.

Большой грязный город нехотя готовится обеспечивать романы своих жителей. Забьётся по скверам молодая трава, рванут после нее над улицами сирени с яблонями, и будут все же тихие вечера, а ночи станут теплы и пригодны..., а солнце днем будет сводить с ума. И зашумит листва, а реки добавят свежести. Усидеть дома нет никакой возможности, а

по городу можно перемещаться только вдвоем. И все вокруг будет дышать одним только стремлением...» (Л.К.)

* * * Став учителем, она перестала любить субботники. Конечно, любить было нечего. Праздновать Приход Весны Ударным Трудом страна перестала еще в ее юности. Но вот это воспоминание, когда весь город запружен людьми с лопатами и граблями. Все метут, копают, чистят, красят и прибираются. А ты бредешь в гадскую музыкалку и завидуешь участникам этого Праздник Труда, любишься делами их рук, вдыхаешь свежий воздух пополам с запахом краски, тополиных почек, дыма костров, в их краях листья жгли весной, вместе с прочим мусором. Мусор, который нельзя сжечь, грузили на машины мужчины в нарядной одежде. И даже Смагин – звезда городских дискотек – ди-джей, как это сейчас называется, принимал сверху какие-то обрезки труб, бруски и железки. Глядя теперь с другой взрослой стороны она понимала, что кто-то заказывал эти машины, целый день накануне насаживал лопаты на черенки, чинил носилки, считал ведра и метлы, резал на кусочки карту города и расписывал это все в тетрадке. И зная эту сторону субботника, она еще лучше стала относиться к этому мероприятию. Хотя воспоминания о школьных субботниках не оставляли иллюзий, учителя их не любили уже тогда. Невозможно было заставить детей прибрать хотя бы этот – такой маленький кусочек территории перед школой. Всех приходилось подталкивать и перепроверять. И этот дурдом повторялся из года в год. Но впитанное с детства мероприятие, вернее его нынешнее отсутствие, оставляло чувство какой-то незавершенности. И с каждой весной звало на подвиги. Как-то она жарила блины на кухне, а дело это такое – не быстрое, и после десятого блина поняла, что ее тошнит от вида из окна. Снег стоял, и розовый песочек корта, и серый вокруг него выглядели помойкой, от всего того, что скопилось за зиму. Она дожарила блины и сказала сыну, что пойдет, приберет эту дрянь. Когда она собрала примерно четверть, он присоединился. Ее прекрасный, застроенный учительский ребенок не решился оставить мать одну в таком начинании, а может... не известно, она никогда не спрашивала, почему. Тогда ему было двенадцать. Когда они собрали примерно половину, пришел Антон, Илюшкин друг, и ее оставили без перчаток и мешков. Она сходила в магазин еще за перчатками, а когда вернулась, оказалось, что за перчатками нужно идти снова. Потому что пришел Димка, и еще две его подружки. У них там намечалась тусня, как-то ее присутствие было уже не очень-то и уместно. Она еще раз сходила в магазин. Купила лишние перчи, всем по шикарному эскимо, ну, и парочку про запас. И не зря, потому что там еще Миша подтянулся и при ней уже Рома подошел. Заканчивали они уже без нее, она жарила вторую серию блинов и кипятила чайник. Дети заслуживали бонуса, и за чаем она спросила, какие медали им подойдут. «Все, что могу!». Антон попросил: «Отпросите меня у мамы на ночь в компьютерный клуб...» «Не вопрос!» «И меня» «И меня». Короче, все дети ушли на ночь играть «Вар крафт» А Праздник Труда действительно оказался праздником. И с тех пор она знала, не такие уж они и ленивые. Но то, что происходило в школе в эти типа праздничные дни, бесило ее со всех сторон. До прошлого года она не брала классное руководство, и уже в который раз зарекалась брать следующее. Дети разбегались как тараканы, их все время нужно было окриковать и подгонять. Девочки жеманничали, мальчики психовали и огрызались, директриса жестко диктовала, трудовик ругался за носилки, и они целым классом два часа мучали свои триста квадратных метров. С машиной за мешками приехал Суфуев. Каждый раз, встречаясь с Ваней Суфуевым, она проскакивала через три образа: руки, кольца, позвонить Вике. – Драсьте.ь- Здравствуй, Ваня. У нас, видишь, все еще не готово... Женя... Иди помоги Ивану погрузить мешки... – А че я?.. – Ну, потому что... – Парень, иди сюда, – сказал Ваня. Женя Новиков безропотно подошел... Иван подсадил его на машину и молча подал первый мешок. Тот еще не успел прийти в себя от такого повышения и тормозил, Иван подождал: – Ну? ... – Жека, давай я, ... я, – шестой «Б» столпился вокруг машины, с завистью поглядывая на счастливого Новикова. – А вы давайте это... по мешку принесли... Мешки за какие-то минуты оказались вокруг высоченного Суфуева, и он забрасывал их в машину, как

арбузы. Новиков не справлялся, и Иван подсадил к нем Белоглазова. У-у-у, - разочарованно завывали остальные, а счастливики упирались, как электро-веники. Иван обернулся к ЛЛ за указаниями.- Я не перестаю на тебя удивляться, - сказала она.- Да? Почему? – Мальчик широко и белозубо улыбнулся.- Спасибо, Ваня...Он уже ссаживал с машины шестой «Б», успевший забраться туда почти в полном составе. * * * Вике она позвонила вечером. У них все улеглось, хотя и не так, как виделось девочке. После разговора с ее родителями, Иван получил право бывать у них, часто, сколько захочет, мама даже говорила пусть переезжает. Понятно, не каждый день к дочке женихи приходят. Жил он дома. Разумно, учитывая предстоящие экзамены и рабочую атмосферу, не считая учебников, тетрадей и тэ-дэ. Ну, и не в нахлебниках, подумала про себя ЛЛ, хотя не озвучила. Вика успокоилась совершенно. Видимо, статус невесты поставил на место все шестеренки. Мужчины сильно недооценивают значение этих глупостей для женщин. Один из ее бывших любовников женился пять раз. Она сама чуть не стала его третьей женой. Он объяснял это просто: «Сколько у тебя было женщин? – А я на всех женюсь...» И ведь все соглашались... Даже четвертая, даже пятая! А ведь это значило еще и три-четыре развода. Это совсем не значит, что женщины такие дуры! Для них это почему-то знак серьезности намерений. Почему вспомнила? Просто снова ощущала себя романтической барышней. Ходила мягко, носила тело плавно, боясь расплескать. Писала лирику, выкладывала в инет чуть ли не каждый день по стихотворению. Умилялась на детей и удивлялась. Обнаружила, что действительно думает о них все эти годы хуже, чем они оказываются в реале. Короче, всех любила, утонула в любви, упала в любовь, купалась в любви и сама превратилась в любовь, так со многих языков переводится русское «влюбилась»... говорят... Дала десятому классу творческое задание написать признание в любви. Если б знать, как это обернется!

* * * Она дала десятому классу творческое задание написать признание в любви. Это был экспромт. Да как получилось. Обсуждали структуру произведения, чисто в литведовском смысле... На примере «Онегина» Не очень-то и выбирали. И, оказалось, у всех – мнения. И мнения разошлись. Кто-то считал, что структуры нет вообще... В романе ничего не происходит, и кроме стихов там ничего нет. Кто-то считал, что там произошла любовь, а все остальное – только декорации. * * * Обнаружили, что письма героев, какие-то уж очень структурные: там и событий-то больше нет, почти. Вот – он приехал, вот - она влюбилась, вот - письмо, они встретились, вот - дуэль с Ленским, и она уже его книжки читает... Вот - он вернулся из странствий, вот - увидел ее светской дамой, теперь уже он влюбленный, его письмо, их свидание, ее ответ. Все. А по размеру-то «Письма» такие - приличные стихи. Длинные. Проходные эпизоды так много места не занимают. А у Пушкина случайных вещей не бывает, это уже ЛЛ сказала. И его на сто раз критики проверяли, и в школе бы просто так не стали учить именно его. Значит, что-то в нем есть, в романе, и, значит, как-то они, эти письма объясняются, и оправдываются в структуре. Структура зеркальная. Сначала она влюбленная, а потом - потом он то же самое. Возникла версия, что она дала ему сдачи! Чтобы знал, гад!- Нет... , не клеится, - сказала ЛЛ, - Почему она тогда страдает? Подумали: может просто доводит?- Нет, не клеится, - если почитать ее ответ, там она говорит, что любит и все бы рада вернуть...- Да?- Да! «...В один момент сменить я рада всю эту ветошь маскарада. Весь этот блеск, и шум, и чад на полку книг, на дикий сад, на наше бедное жилище, на те места, где в первый раз, Онегин, видела я вас...»- Так, а что ей мешает, вот и вернула бы... - Да, почему не вернула?.. Думаем... Какие еще варианты?.. Давайте отложим... И... вот у меня какое к вам предложение. Чтобы понять, значимы ли структурно письма... Давайте попробуем сами написать вот такое письмо. Напишем признание... Нужно понять, меняется ли что-нибудь от признания в любви... Можно ли считать признание в любви – событием в жизни... Происходит ли что-нибудь в жизни, после этого... и если происходит, хорошо это или плохо... А сейчас давайте вернемся к структуре произведения, и рассмотрим его на примере...

«Настоящая жизнь начинается именно сейчас, когда спят все, даже начальники караулов. Люди ругаются, дерутся, убегают, признаются в любви, выслушивают отказы и любят, требуют прибавки к зарплате - и всё это во сне. Что же заставляет нас называть настоящей именно эту неосознаваемую жизнь, протекающую лишь в фантазиях?»

Её объем! Вспомните, сколько раз в своей фантазии вы сами признавались в любви и требовали прибавки к зарплате. А теперь - сколько раз вы делали это в реальности? Явно в десятки, если не в сотни раз меньше. Так, где же настоящая наша жизнь, а где - её незначущее отражение? Каждому с юности известно это состояние: всю ночь тебе снилась соседка по парте, заполняющая весь мир страстными вздохами, и до обеда на сердце тепло, и смотришь на соседку так, будто и впрямь провел с ней изумительную ночь» (Л.К.)

* * * На следующем уроке она спросила домашнее задание.- Поднимите руки, кто написал... аха...? Поднимите руки, кто не может написать по любым причинам?... понятно... Все мы, и те, кто написал признание, и кто не смог, очень многое пережили за эти сутки, верно?... Мы не будем их проверять... Не будем ставить оценок... Это не сочинение... Это - будем считать, жесткий эксперимент... наш эксклюзивный метод литературного анализа. За эти сутки вы пережили то, что пережили оба наших персонажа: и Татьяна, и Онегин... Признание в любви... Если смотреть изнутри процесса – это очень тяжелое испытание... Но есть люди, которые считают, что это приносит облегчение?... Поднимите руки... Хорошо... А наоборот?... Поднимите руки?... Понятно... Итак, экспериментальным методом мы выяснили, что письма, письма героев имеют право считаться частью структуры произведения, потому что имеют большой потенциал и энергетический - могут двигать сюжет и эмоциональный - потому что являются источником очень сильных переживаний. Мы выяснили, что композиция зеркальная и повторяет основные пики дважды... Мы можем предположить, что автор не случайно выбрал одинаковые испытания для своих героев?- Да-а-а...- Зачем?- Ну, ... у-у...он ... они там... он их сравнивал...- Малова пять! Он их сравнивал... Давайте и мы сравним... С точки зрения структуры, что общее?-Там письмо и там письмо.- Верно, еще?- Там отповедь и там отповедь.- Верно, что еще...?- Там влюбленный и там...- Да, еще...- Там страдает человек, и там...- Да, еще...?- Они оба не посмеялись над другим...- Тамазова – пять! Они не унизили другого. Беззащитного и любящего. Они пощадил чужое самолюбие и достоинство. О чем это говорит?- Что они добрые.- Ну, не добрые, а я бы сказала достойные люди. Да, а можно ли считать, что это было нормой в то время?... Мила?- Наверное, нет... нет...- Почему?..... Откуда ты это знаешь?- Потому что Онегин предупреждает Татьяну, чтобы она ни с кем так не говорила, что не каждый ее как он поймет.- Совершенно верно, и Татьяна – светская дама, когда объясняется с Онегиным, тоже предполагает типовую реакцию: «Не потому ль, что мой позор теперь бы всеми был замечен?» То есть женщина, в то время была уязвима...и нормы морали были не в пример жестче, чем сейчас. И то, что нам сейчас непонятно, тогда было просто крушением репутации. Не знаю, как вы, мои дети любят фильм «Гордость и предубеждение» с Кирой Найтли в главной роли, это экранизация романа Джейн Остин.- Да... да...- Если помните, там младшая и легкомысленная сестричка убегает с каким-то уланом, невенчанная, и тем самым ставит крест на репутации всех девушек этого семейства... - дети закивали одобрительно - вот наша Татьяна из той же эпохи.- Юная Татьяна рисковала, и это говорит о ее наивной смелости. Онегин мог ее обесчестить и поставить крест на всей ее жизни и судьбе целого семейства. Но она все равно рисковала... А почему взрослая Татьяна не захотела рискнуть? Она же любила Онегина? Мила...- ... Она ему не верила.- Да, наверное... Почему?- Ну, она его знала, она прочитала все его книжки в деревне.- Да, наверное...- И она считала его пародией.- Да? Почему?..- Ну... потому что там есть слова: «Уж не пародия ли он?»- Ну, тут можно поспорить... Предлагаю на следующем уроке обсудить тему «Не пародия ли Онегин?» Есть желающие выступить? Мила Тамазова будет защищать ту точку зрения, что Онегин – пародия. Кто хотел бы стать оппонентом? Андрей Малышев. - Давайте вернемся к вопросу, почему

взрослая Татьяна не захотела рискнуть... Одно мнение – Она не верила Онегину. Может быть, есть еще какие-то... Ира Гирчук? – Она была замужем... – Пять!.. Почему? – Ну, она сказала, что другому отдана и будет век ему верна! – То есть она дала обещание и собирается выполнить его даже ценой своего счастья. Так?.. О чем это говорит? – Ну, о том, что она... молодец... – Ну, давайте еще подумаем, если в те времена женщина могла уронить свою репутацию вот так на раз – два то, что было бы с ее мужем? – Он был бы рогаговец! – Верно!.. То есть она рисковала уже не только своей репутацией, а и мужа – тоже! А она дала клятву верности, и все они были люди верующие, венчанные, и для них это были не пустые слова. Это характеризует ее как человека... – Верного... – Совершенно верно! А почему она решила, что будет верна мужу. Ведь мы знаем, что она девушка отчаянно смелая, и уже давала нам повод думать о ней и даже как о легкомысленной? Таня? – Не хотела позориться? – Ну, и это тоже. Но ведь в деревне ей так же угрожал позор, и это ее не остановило... Ира Гирчук сказала нам, что она была замужем. Это что-то меняет? – Не хотела подставить мужа? – Малков пять!.. Да, в ее руках оказалось чужое достоинство, и вот им она уже не могла рисковать. Она отказывает Онегину, не из прихоти, не из позы, не из мести, а потому что обязана сохранить честь другого человека... Потому так любит ее Пушкин. * * * Признаниями в любви, и прочими поэтическими опусами пестрят миллионы страниц, грешат миллионы авторов, разных времен и народов, в том числе нашего времени и народа, в том числе виртуальных страниц. Притом, из глубин веков, просочились крутые вещи, в то время как современность выдает столько хлама, что и дышать-то нельзя! Ее как учителя всегда мучил вопрос, почему дети с такой неохотой учат хорошие стихи, при этом захламляют сети и чаты чудовищно плохими. А как женщину поражал успех фразы: «Я так сильно тебя люблю!» Откуда взялось это «сильно»? ну, не по-русски же? Никто так никогда не говорил. Ну не Пушкин же! Пушкин говорил: «Я вас люблю, чего же боле?» Ну, в переводе на современный русский это выглядело бы: «Люблю, да и все!» а превосходная степень этого чувства должна бы была выглядеть примерно так: «Люблю, ваще труба!» но вот это «сильно»! Почему-то из всего того, нового русского ее бесило именно это «сильно». А что есть градации? Слабо, средне, так себе, не очень, супер? И главное, как быстро! Как быстро опростились! Триста лет назад у Пушкина: «Я вас люблю, хоть я бешусь, хоть это труд и стыд напрасный, и в этой глупости несчастной, у ваших ног я признаюсь!» Сто лет назад. У Ахматовой: «В мою торжественную ночь не приходи, тебя не знаю. И чем могла б тебе помочь? От счастья я не исцеляю» У Цветаевой: «и не краснеть удушливой волной, едва соприкоснувшись рукавами». У Пастернака: «Любить иных тяжелый крест... а ты прекрасна без извилин». Пятьдесят лет назад. Ахмадулина написала: «Мне и страшно, и весело, как тому кораблю... не жалею, что встретила, не боюсь, что люблю» А Рождественский: «И мне до тебя, где бы ты ни была, дотронуться сердцем нетрудно!» Двадцать лет назад. На одно поколение перестали писать о любви. Зато писали «о несчастных и счастливых, о добре и зле, о лютой ненависти и святой любви» Были стихи, была поэзия, Никольский например: «я привык бродить один, и смотреть в чужие окна, в суете немых картин отражаться в мокрых стеклах» И что, после всего этого «крошка моя, я по тебе скучаю, и... и от тебя письма не получаю!» Пипец! При том, что примитивизм был ей не чужд и «Выходи за меня» она находила прекрасным, как картинка Пиромани. «Ежик в тумане». «Чайф» с улыбкой как у нового Икаруса. «Секрет» Глубина, без претензии на глубину – высший пилотаж глубины! «Люблю – ваще труба!» Ее «люблю» к этому моменту как раз-таки подбиралось к степени «ваще», но немножечко не дотягивало до «трубы». И так хотелось жить на этом градусе, дышать, и чтобы остальные так же. «Крошка моя» - пф! * * * -И еще один момент, на который я хочу обратить ваше внимание. Автор заканчивает роман именно в этом месте. Для него конфликт исчерпан. Хотя с бытовой точки зрения он даже не начался. Почему? – Ему было важно только это? – Совершенно верно! Пушкин, не собиравшись лепить водевильную интригу, кто кому изменил, кто кого унизил и под каким кустом. Его интересовали только прекрасные движения души. И оба его героя проявили себя

как очень высокие, достойные люди. Как вы думаете, в чем они отличаются, ведь он их все-таки сравнивал, зачем?..- Они... нет... они по-разному любили.- Да, по-разному. А как по-разному? - Онегин - для себя, а Татьяна – для мужа.- Ну, объективности ради, не для мужа. Татьяна пережила это крушение в юности, совсем девушкой. И еще не была замужем. «Ее слезами заклинаний молила мать...» То есть она сделала это для матери. И не только. В те времена девушке обязательно нужно было выходить замуж. Это было социальной нормой. И потом, в те времена девушка не могла реализоваться в социуме самостоятельно.- Почему это? - Ну, тогда еще женщина не была равноправным членом общества.- Да, ладно!- Да. Да. к сожалению, именно так. Она, конечно, могла выйти замуж и вертеть мужем, как хотела. Могла даже сделать мужу карьеру. Но сама она стать, к примеру, политическим деятелем, или врачом, или инженером, или даже учителем не могла.- Почему даже? - Ну, случайно так сказала, простите... Итак Татьяна... для себя после романа с Онегиным... чего-то искала? - Нет, ей было все равно.- Почему? - Потому что у нее не было надежд... Потому что ее интересовал только Онегин, а он ее не любил.- Почему же она-то так любила его, что уж такого в нем было?.. не придумала ли она себе своего героя? - Кто считает, что придумала, поднимите руки, теперь поднимите руки те, кто считает, что не придумала... Докажите. Малышев.- Он читал умные книги. И вообще был не дурак... и они с Ленским даже обсуждали... Меж ими все рождало споры И к размышлению влекло: Племен минувших договоры, Плоды наук, добро и зло, И предрассудки вековые, И гроба тайны роковые, Судьба и жизнь в свою чреду, Все подвергалось их суду. - Ну, то есть, судя по этим разговорам, парень был не пустой, верно, и не глупый.- И он не обидел Татьяну, хотя мог... - Почему же он ей отказал, Андрей?.. - Ну, она была еще маленькая... - Совершенно верно! Ей было шестнадцать? четырнадцать? А ему - двадцать шесть, почувствуйте разницу. Но только ли это? - Он уже все проше-ол,.. и ему все надоело... А Татьяна его тронула. Но он и Ленского так же жалел.- Да, верно «...он охладительное слово в устах старался удержать...» он был такой не только с Татьяной. Молодец, Андрей, садись, пять... Ей ответил на письмо взрослый человек, который пощадил ее девичье сердце, репутацию, самолюбие, скрыл от всех ее тайну, убедил в том что, такие, как он - бывают, и не только в книжках, и остался кумиром на всю жизнь. У нее была возможность читать то, что ему нравилось. И это были не пустые книги. Интерес к нему открыл для нее целый мир его интересов. Для нее этот роман не кончился тогда же.- Почему же тогда Пушкин выбрал Татьяну, Мила? - Потому что Татьяна нашла в себе силы жить для другого человека, а Онегин нет.- Молодец, пять! Есть еще один вопрос. С точки зрения сюжета – в романе ничего не произошло. Но произошло же? Что произошло, Дима? - Любовь.- Верно. Но как? Событий нет. На весь роман – два свидания и два письма. Откуда мы знаем про любовь? - Герои это почувствовали.- Верно. Роман «Евгений Онегин – роман о чувствах». Все что произошло в нем, произошло не в сюжете... Открыли тетради, записали тему урока. Сюжет и фабула произведения.

О ФАБУЛЕ.

Можно об этом и вовсе ничего не знать. С точки зрения практики, не так это важно.

С другой стороны, человек пишущий, он, как бы, само собой разумеется, должен быть подкован в теории литературы, ну, хоть плохонько как-то, хоть так себе. Потому что большинство-то собратьев по перу худо-бедно подкованы, они же в теоретических спорах могут и в лужу посадить. Ну вот. Фабула. Вот, что дают справочники.

Фабула — фактическая сторона повествования, те события, случаи, действия, состояния в их причинно-следственной, хронологической последовательности, которые компонуются и оформляются автором в сюжете на основе закономерностей, усматриваемых автором в развитии изображаемых явлений.

Сюжет (от sujet — предмет) — в литературе, драматургии и кино — порядок событий, происходящих в художественном произведении. ...

Черт ногу сломит. Как развести? А вот дальше:

Первоначально термин «фабула» (лат. *fabula*, фр. *fable*, англ. *fable*, нем. *Fabel*) имел значение — басня, побасенка, сказка, то есть произведение определенного жанра. В дальнейшем термином «фабула» обозначают то, что сохраняется как «основа», «ядро» повествования, меняясь по изложению. А отсюда — указанное вначале значение в применении вообще к литературным произведениям.

Теперь выбросьте это из головы. Потому что на деле все проще.

Есть сюжет произведения, есть его фабула. Чем отличаются?

Сюжет – это то, что произошло. Событийный ряд. Сюжет – это то, что объективно.

А фабула – это то, что герой почувствовал, в этой связи. Какие выводы сделал. Как отреагировал. Это то, что субъективно. Причинно-следственные связи. «Основа» и «ядро».

Короче, СЮЖЕТ

- ЭТО ТО, ЧТО ВИДНО СНАРУЖИ, НЕ ТОЛЬКО ГЕРОЮ-ПЕРСОНАЖУ, А ФАБУЛА - ЭТО ТО, ЧТО ПЕРСОНАЖ-ГЕРОЙ ВИДИТ ИЗНУТРИ.

Тут можно говорить о произведениях, тяготеющих к сюжетной линии, и произведениях фабульных. Скажем, приключения, «бродилки», фэнтези – произведения сюжетного плана. Здесь важны события, перипетии, этнографические детали, особенности быта и нравов. Короче, описания объективной реальности. Хотя никто фабулы не отменял и здесь.

А фабульные произведения -

это произведения о чувствах: стихи, лирика, размышления по поводу. «Я вас любил...», «Жди меня, и я вернусь...», «Я была тогда с моим народом...», «Люди кричат, задыхаясь от счастья...», «Это все, что останется после меня...». Хотя и здесь никто не отменял сюжета.

Сюжет и фабула присущи любому произведению. Приключенческий роман не проканает, если в нем герой не ищет, правды, истины, справедливости, или, на худой конец, потерянных детей. Лирическое произведение зависнет в воздухе без опоры на сюжетную линию, никто не поймет, с чего вдруг такие чувства, если не описать божественные формы избранницы. Ну и все в таком духе.

А теперь, с точки зрения педагогики, нужно устроить практикум, дабы закрепить материал.

Мы разберем «Я помню чудное мгновенье» Пушкина. Построено:

Я помню чудное мгновенье – фабульная линия.

Передо мной явилась ты - сюжетная линия

Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты... - фабульная

В глуши, во мраке заточенья тянулись долго дни мои... - сюжетная

Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви... - фабульная

Можете сами даль

ше. А лучше всего разбирать свои произведения, чтобы определиться, к какому роду повествования вы тяготеете. Очень многие авторы, и я, в том числе, хромают на одну из сторон. Потому что просто живут в одном из форматов. И тогда нужно много работать над другой стороной. Для кого-то, например, страшная мука – сюжет. А для другого, может, такая же проблема – идея, нравственная составляющая, морально-этический тип кодекса типа героя. Пафос произведения, в конце концов.

А теперь попытайтесь определить. Фабульное или сюжетное повествование в романе «Евгений Онегин»

(ЛЛ)

* * * Катастрофа произошла в пятницу. ЛЛ вошла в класс, когда Митрохина с ревом обрывала листки, которыми были заклеены все стены кабинета, большая часть класса держала такие же в руках и глумливо почитывала. Оказалось, что стены обклеены ксерокопиями признаний в любви, которые ЛЛ опрометчиво оставила в своем шкафу в кабинете, пусть и запер-

том, но все же в классе. Пострадавших было – не одна Митрохина. Но плакала – она одна. Написавших сочинения было шестеро: четыре девочки, и два мальчика. Мельком глянув на почерки, ЛЛ предположила, что трое из шестерых не пострадали. Итак, выбрали самых слабых. Митрохина, вообще аутсайдер по жизни, производила впечатление девочки из плохой семьи. Худенькая, маленькая, жидкие волосики, тоненькие неровные ножки, подслеповатая и сутулая, бездарно одетая, девочка – недоразумение, нервная и недобрая. И, вот эта девочка написала признание самому красивому мальчику в классе. Нет, там не было имени. Они заранее это обговорили. Но из контекста это следовало с неизбежной очевидностью. Это была одна из причин, по которой ЛЛ не стала развивать тему признаний, этому мальчику посвящалось еще одно признание, но та была девочка-звезда и ей это, конечно, сошло с рук. Как же она так? ведь хотела же сразу раздать! Чего там вскрывать этот шкаф? Да кто бы мог подумать? ЛЛ целую минуту стояла в дверях. Потом прошла к столу, открыла журнал. Глядя в журнал, она анализировала фотографический снимок класса. Еще Измаденова и Озерова. На этих тоже лица не было. – Итак, успокоились, открыли тетради, записали тему урока: Роль Зарецкого в конфликте Онегина и Ленского. – Оля Озерова. Раздай тексты, – Оля послушно поплелась к шкафику с учебниками, – А пока Оля раздает учебники, все положили на край стола, бумажки, которые все вы так внимательно читали перед началом урока... Хорошо... Озерова собери... Открыли тексты на главе шестой. Никифоров, ты тоже... – Что? – Бумажку свою положи на край стола... Средний ряд читаем по строфе. Пока читали текст, она лихорадочно обдумывала план урока... Такие яростные экспромты случались нечасто. – Итак, что произошло в шестой глава, Таня Быкова? – Онегин с Ленским договорились о дуэли. – Верно. Они это сделали лично? – Нет, через Зарецкого. – А кто он такой? – Сосед Ленского. – Верно. А почему тот обратился к нему, а не к кому-то другому? – Тот был опытный дуэлянт. – Верно. Дуэлянт, интриган, подлец и мелкий пакостник. А что еще можно о нем сказать, исходя из текста... Найдите строфу, в которой Пушкин дает персонажу характеристику... Оля Озерова. Пока Оля читала, ЛЛ мысленно оглядывала класс. «Кто?»:- Что еще можно сказать о персонаже? – Что он был готов поучаствовать в любой склоке, стравить, оболгать и посмеяться. – Скажите мне... а кто это сделал? – Дети недоуменно отвлеклись от текстов и уставились на нее, вопрос был не по теме, – кто вот это сделал? – и она оторвала от стены одну из бумажек – ксерокопий. – Это Малышев! – сказала Лена Маркова, та самая девочка-звезда, которая... «Малышев?», ЛЛ перевела взгляд на Малышева. Это было для нее, действительно, неожиданностью. Но по его лицу было понятно, что это правда. – Встань и сними все это. – Да вот еще... ЛЛ покивала: – Итак, Зарецкий. Как вы считаете, Зарецкий проходной персонаж в романе, или значимый для структуры текста, – она задавала вопрос классу, обрывая листочки со стен. К Малышеву она больше не обращалась.

* * * Разговаривать с детьми о нравственности – занятие – неблагоприятное. Они не поверят. Эта черта, впитанная с молоком матери, как говорится. Мы не верили. Ничему, что исходило из авторитетных источников. Засирать подобную инфу считалось хорошим тоном. Детям это передалось если и не генетически, то тактильно, аудиально и визуально. Короче, они в этом выросли. Единственный способ пробиться к сердцу детей – дать им взрослые книжки. Лучше запретные и неодобряемые властями. Или темы – запретные и неодобряемые. Так это работает: интересуется только инфа, предназначенная не для тебя! И наоборот. Лучший способ отбить охоту к чтению – поставить произведение в школьную программу. Ее, как педагога, спасало то, что дети пытливы. И гибки. И входя в тему, как дилетанты, и, стало быть, младшие товарищи, они слушают. У них еще нет мнения. Это «время собирать камни». Но навалить им... камней – может любой. Это тоже правда. Она пришла в класс, когда тачка была наполовину заполнена, ну, вы понимаете... Вот и сейчас перед ней встала задача, по сути, непосильная для одной отдельно взятой учительницы. * * * – Проходной..., значимый... – Докажите... Оля Он появляется один раз всего в одной главе, значит, проходной. – Слава... – Он занимает целую главу и является в ней главным действующим лицом, а это больше, чем все письма... – Верно,

хороший ответ, действительно целая глава. При том, что глава – самая трагичная в романе, в которой два человека, глубоко привязанные друг к другу, превращаются в недругов и становятся к барьеру. Садись, Слава, пять.- А как получилось, что Онегин, презирающий мнения света, отдает свою судьбу и судьбу своего молодого и не такого опытного приятеля, которого так берег, «и остудительное слово в устах старался удержать»... как получилось, что он отдал решение судьбы их обоих - в руки, человека, «чьего сердца он не уважает» Дети зашуршали страницами:- Онегин потом сам себя обвинял.- В чем, Лена Маркова?- Что посмеялся над любовью.- Верно, еще.- Что он должен был поговорить с Ленским и обезоружить его, и все перевести в шутку.- Верно, зачитай. Лена Маркова нашла отрывок:- «... Евгений, Всем сердцем юношу любя, Был должен оказать себя Не мячиком предрассуждений, Не пылким мальчиком, бойцом, Но мужем с честью и с умом. Он мог бы чувства обнаружить, А не щетиниться, как зверь; Он должен был обезоружить Младое сердце. «Но теперь Уж поздно; время улетело...- Достаточно. Давайте заметим, что Онегин любит своего приятеля. Почему же он так поступил, кто скажет? - Он испугался.- Да, наш такой прекрасный, смелый и высокомерный Онегин испугался, а чего он испугался? Оля.- Что над ним будут смеяться.- А кто мог над ним посмеяться, Лена Маркова?- Зарецкий, и глупцы, соседи, и... общество...- Ну, да, да, совершенно верно! Тот самый свет, который они с Ленским не раз обсуждали и презирали. Прочитай в тексте. Лена снова нашла отрывок: «...К тому ж — он мыслит — в это дело Вмешался старый дуэлист; Он зол, он сплетник, он речист... Конечно, быть должно презренье Ценой его забавных слов...»- Молодец, Лена, спасибо, пять... А теперь давайте посмотрим, что же Ленский. * * * По правде сказать, она мало знала людей, способных противостоять махине под названием общественное мнение... Хотя знала... Способных... Но желающих ввязаться в эту битву среди них было меньшинство. Откуда она нахваталась этого, и сама не помнила, но знала еще и другое, что тема урока – неподъемна для осмысления многим взрослым людям. А уж обличенных властью, или хотя бы статусом – этот вопрос и вовсе занимает исключительно с точки зрения манипуляций. Но в программе этот вопрос был, хоть и не в связи с Онегиным, поэтому не сильно она и своевольничала. * * * Малков Андрей:-«...Теперь ревнивцу то-то праздник! Он все боялся, чтоб проказник Не отшутился как-нибудь, Уловку выдумав и грудь Отворотив от пистолета. Теперь сомненья решены: Они на мельницу должны Приехать завтра до рассвета, Взвести друг на друга курок И метить в ляжку иль в висок.- Думал ли поэт о смерти, Андрей?- ...Нет...- Совершенно верно! А какой эпиграф у этой главы, кто найдет? Оля.- «... родится племя, которому умирать не больно...»- Молодец, спасибо... Он, в каком-то смысле, играл в дуэль, в нем не было страха, была ревность, обида, игра в романтического героя, в охранителя нравов, но и только. О чем это нам говорит? ... Что только один человек из них понимал, что происходит, и только он один виноват в таком трагическом финале...- Скажите мне, Онегин испугался за свою честь, или только за то, что о нем скажут? Давайте разведем эти понятия. Что в человеке есть честь: то, что о нем думают, или то, что он есть изнутри?.. Смелее... Что важнее, знать, что ты достойный человек, или что о тебе кто-то скажет, что ты достойный?.. Смелее... Вот, например, Онегин про себя знает, что нужно, чтобы быть «мужем с честью и умом» - знает, а поступает наоборот. Почему, Игорь Новиков, зачитай? * * * Пока Игорь искал в тексте, она мельком осмотрела класс. Дети работали. Искали цитату, думали. Кто-то прятался за соседом, кто-то подсматривал, кто-то добросовестно работал сам. Над классом почти ощутимо висела очередная нравственная задача. А они об этом даже не догадывались. Не догадывались, что самые трудные этические шаблоны вырабатывают сейчас, скучно выбирая из поэтического текста глаголы и прилагательные. Что выбирают - не из глаголов, а из разных мнений, противоположных, близких, отличных в деталях, внешне схожих, и абсолютно разных в сути. Что именно сейчас каждый из них выберет, каким быть. Что-то ему понравится еще в процессе, что-то - уже в процессе - нет. И выставляя оценку Онегину, он определится, возможно, на всю дальнейшую жизнь. * * * - «Общественное мнение! Пружина чести, наш

кумир! И вот на чем вертится мир!»- Верно, общественное мнение. А кто у нас олицетворяет это общественное мнение в романе?- Зарецкий.- Совершенно верно! Давайте вернемся к этому человеку... Скажите, это смелый человек?- Да... Нет...

- Докажите... Игорь.- Да, он атаман шайки, глава повес, трибун трактирный, и хорошо стреляет...- Наташа.- Нет, не смелый «льстивый голос света», ему приписывал храбрость, потому что тот пьяный уехал к французам, упал с лошади и попал в плен.- Согласна, это характеризует его как дерзкого, лихого, отчаянного человека...Еще... - Он издевается над всеми.- Ира зачитай... Бывало, он трунил забавно,Умел морочить дуракаИ умного дурачить славно,Иль явно, иль исподтишка,Хоть и ему иные штукиНе проходили без науки,Хоть иногда и сам впросакОн попадался, как простак.Умел он весело поспорить,Остро и тупо отвечать,Порой расчетливо смолчать,Порой расчетливо повздорить,Друзей поссорить молодыхИ на барьер поставить их,Иль помириться их заставить,Дабы позавтракать втроем,И после тайно обесславитьВеселой шуткою, враньем.- О чем говорит Пушкин, Ира?.. Лена Маркова... - Что он интриган.- Молодец, Лена. Я бы поставила тебе вторую пятерку, но, к сожалению, не могу... Продолжай. - Он интриган! Он подлый! Все делает исподтишка. Унижает всех. И потом смеется над всеми, кого унижил.- Ну, и раз пошел такой разговор... А добавляет ли это ему чести, Лена?- Нет...Его все боятся, но никто не любит! – эти слова Лена произнесла, обращаясь напрямую к Малышеву. Малышев побагровел, лицо его выразило на секунду и ненависть, и отчаяние. Всеми классу было известно, что Лена Маркова была его любовь, болезнь и страсть. Девочка села. ЛЛ следовало продолжить урок, но она сама была шокирована, и даже смутилась от такого, от такой отповеди. Просто Малышев... - Я совершенно согласна с Леной Марковой. Глумливость, презрение, и высокомерие Зарецкого не делают ему чести! Они делают ему репутацию опасного человека, в каком-то смысле авторитет, многие люди испытывают перед ним страх. Но внутренне он остается один. Весь его мир построен на том, что скажут люди. На том самом общественном мнении, которым он так умело манипулирует, и которому мог бы и должен был противостоять Онегин, будь он человеком более зрелым, и более смелым.- Давайте ответим на вопрос, который мы задали в начале урока. Проходной персонаж Зарецкий, или системный.- Проходной, - сказала Лена Маркова.- Почему?- Потому что ему никогда не стать главным героем.- Есть еще мнения?- Системный...- Слава, почему?- Ну, потому что всегда общество, и в Чацком тоже было... - Да, согласна. Вопрос столкновения с обществом - это один из важных вопросов в литературе, да и в жизни. И я бы даже сказала – что это один из главных конфликтов в литературе. Потому что герои никогда не остаются одни, они всегда определяются относительно общества. Вот то, как они определяются – это идея произведения, о которой мы с вами поговорим на следующем уроке. - ЛенЛексевна, - подняла руку Лена Маркова. – скажите Малышеву, пусть он отдаст мое сочинение.ЛЛ глянула на Малышева. Тот, исподлобья глядя на нее, открыл рюкзак и швырнул пачку листков в Лену Маркову. Не дожидаясь звонка, и под робкое молчание класса, он встал и вышел, пока девочка собирала листки. * * * «Пыль – это плоть времени», всплыла строчка, когда она вытирала пыль. Надо же, как точно и наглядно. Потом она подумала, что недооценивала Лену Маркову, всегда считала ее такой глумливой красивенькой девочкой, и никак не ожидала от нее такой смелости идти на конфликт и отстаивать свое мнение, и чего там, свою честь, свою любовь - все же перепугались до смерти. А Малышев! Андрей Малышев был для нее личной потерей. Она так любила этого мальчика! Он так быстро схватывал, так умно отвечал, у него были такие исчерпывающие сочинения, такая богатая образность. Всю эту сцену она по привычке видела с его стороны, с его позиции, и никак не могла приспособиться к его новой роли.Она полила цветы, и подумала, что, если бы такие уроки случались хотя бы раз в неделю, она ушла бы из школы еще в первый год.Она была так счастлива своим никому невидимым счастьем, что ей хотелось, чтобы и все остальные были так же счастливы, наполнены, любовью, светом, теплом и участием.Если вытираешь пыль

раз в неделю, то это такой – существенный слой, вещественный, материально ощутимый. И мысленно откатывая на неделю назад, понимаешь, что пока ты жил, ехал на работу, с работы, ходил в магазины, готовил еду, кормил детей, проверял тетрадки, встречался с подружкой, думал о дорогих и далеких людях, над домом властвовало время, почти недвижимый пыльный морок. И «властвовало», и «время» - вдруг приобретают качественное значение, вес, предметность. И даже цвет. Особенно цвет заметен, если ты делаешь уборку не раз в неделю. Она со своей болезнью так все запустила. Пришлось нагонять по работе, на хозяйство – так уже - по остаточному принципу. А до уборки руки, вот только – только дошли. Поэтому двухмесячный слой пыли – это уже такая реальная плоть! Просто шуба! Шапка! Варежки! Шарфик! И половичок. Это зависит от того, откуда ты ее стираешь, сметаешь, и вытряхиваешь. Фактически она приводила в порядок время своей любви. Вытирала, выметала, вытряхивала, вымывала. Полоскала тряпки, и снова вытирала, мыла и полоскала. Она стирала пыль со своей счастливой любви, как с фарфоровой статуэтки, на которой целуются дети, чтобы они оставались такие же красивые, как город после субботника. Как планета Маленького Принца. Как вымытое зеркало. Как стихи Тарковского старшего: Мир промыт, как стекло, только этого мало. Понапрасну ни зло, ни добро не пропало, Мне, и в правду везло, только этого мало. Все что сбыться могло, мне как лист пятипалый Прямо в руки легло, только этого мало ...

Глава 5.

Май.

«... Наша общая ошибка состоит в том, что мы забыли, по какому тонкому льду мы ходим, сколь хрупки созданные нами порядок, комфорт и уют. Обманывать себя вредно. Надо помнить, что в любой момент нога может потерять опору и уйти вниз, в черноту. Эта чернота развернется прямо посреди благополучия. И потом вы будете долго удивляться, как десять самых разных людей совершили невероятные оплошности и ошибки, которые сложились в единую цепь, и открыли в итоге двери в ад.

И огонь вдруг становится непобедимым; тем более что все вокруг него продолжают действовать самым нелепым образом, а еще им на редкость не везёт. Полчаса разворачивают и подключают шланг, чтобы потом оказалось, что воду в кране уже кто-то выпил...» (Л.К.)

* * *

Май в Питере – самый длинный месяц в году. Всего за четыре дня одеваются в зеленую органзу березки в Сосновке, и город на глазах превращается в Изумрудный.

И эта нереальная зелень так быстро матерееет, взрослеет и серьезнеет, теряет свои прелестные мультяшные формы, которые так конкретно берут за жабры, и остается только сдаться этой детской дерзости.

В подростковой зелени повода для умиления еще нужно поискать. Ее слишком много, она так быстро становится привычной, что ко вторым майским праздникам уже и забываешь, что вообще-то неделю назад был первый шок.

Бабушки продают нарциссы. А вдоль улиц зацветает черемуха. И яблони. Но черемуха – раньше

Оказывается, в городе так много черемухи. И сирени!

В Питере сирени – все скверы, все площади, все достопримечательности, улочки, переулки, бульвары, бульварчики, где только можно! Хорошее дерево – живучее. А по окраинам! А где-то по обе стороны улиц

- и в два ряда! А еще они разного сорта, одна отцветает – начинает другая! С ума сойти! Столько же еще только шиповника.

В питерский шиповник! Он у них вечный! Он начинает цвести вместе с яблонями, а заканчивает, когда уже яблоки собрали. Вот так и цветет все лето. На нем где-то уже плоды созрели, а где-то только цветочки собираются. И он такой ароматный! Едешь в автобусе, и в окна врываются эти розовые запахи! А в середине мая он еще только обрастает после осенней кастрации – его реально обрезают почти под корень! Но он так быстро приходит в себя! Ростки такие молодые свежие и колючие! И уже все в цвету!

Ну, а потом уже подтягиваются боярышник, арония, рябина. Они уже так неспешно, без пафоса. С достоинством. Потому что им уже не удивляются. Все привыкли, кажется, даже пчелы. Поэтом

у май – самый длинный месяц в году. В начале мая – еще снег в лесу, а в начале июня – уже купаются. Это ведь чудо, длиной в четыре недели. Это такой Шок. Разрыв шаблона Переворот. Мозг не может с этим жить и срочно привыкает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.